

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ДЕПАРТАМЕНТ «Х».
ПРИЦЕЛ БОГА

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Департамент «Х». Прицел бога

«Автор»

2011

Самаров С. В.

Департамент «Х». Прицел бога / С. В. Самаров — «Автор»,
2011 — (Спецназ ГРУ)

В ходе контртеррористической операции в Дагестане группа спецназа ГРУ применила минометы с новыми прицелами, совмещенными со спутниковыми навигаторами. Результаты превзошли все ожидания: о такой точной стрельбе раньше можно было только мечтать. Позже стало известно, что созданием подобных приборов занимаются и американцы, испытывая их на живом противнике в Афганистане. Командованием ГРУ принято решение раздобыть американский образец и «скрестить» его с нашим. Операция поручена Департаменту «Х» – сверхсекретной спецслужбе, занимающейся новейшими военными разработками...

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ I	10
ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
1	10
2	15
ГЛАВА ВТОРАЯ	21
1	21
2	26
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	32
1	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Самаров

Департамент «Х». Прицел бога

ПРОЛОГ

Генерал-лейтенант Апраксин дожидался группу на базе, несмотря на позднее время и задержку самолета на четыре часа – метеоусловия, как это часто бывает, подвели. Черный микроавтобус «Фольксваген Каравелла» остановился у самого крыльца. Дежурный по Департаменту «Х» сразу предупредил полковника Кирпичникова, что его дожидается генерал. И Владимир Алексеевич задержался только для того, чтобы сдать оружие. Разгрузка оборудования проходила уже без командира и, как обычно, под присмотром заместителя по хозяйственной части Гималая Кузьмича Слепакова. Группа осталась ждать Кирпичникова в кабинете, чтобы выслушать дальнейшие распоряжения. Перед последней командировкой оперативной группе не дали отдохнуть, и сейчас все ждали, какое время будет выделено оперативникам на отдых. Сам полковник пока ничего не знал и тоже ждал распоряжения генерала. Впрочем, и это распоряжение могло стать предварительным, как было и в прошлый раз, когда отпущенный предварительно срок был предельно укорочен¹...

В приемной, как всегда, сидел помощник генерала майор Лазуткин. Владимиру Алексеевичу иногда казалось, что он постоянно живет на базе, потому что, сколько полковник ни заходил к генералу – причем бывало это и днем, и ночью, – Лазуткин всегда сидел в приемной. Но такова участь помощника, и майор с ней стоически мирился. Он даже во время празднования Нового года работал на генеральской даче и был этим доволен. Кирпичников знал, что есть такие люди, которые готовы трудиться день и ночь, а от отдыха лишь устают. Видимо, Лазуткин тоже был из этой категории.

Майор молча показал на дверь, объясняя этим, что Кирпичникова ждут.

– Здравия желаю, товарищ генерал, – сказал полковник, переступив порог просторного кабинета Апраксина.

– Здравствуй, виновник торжества! – Генерал встал и рукой показал Кирпичникову на стул справа от стола заседаний. – Могу «с разбегу» сообщить, что антитеррористический комитет написал отношение о представлении тебя и членов твоей группы к государственным наградам. А с действиями профессора Огурцова сейчас разбирается следственный комитет. Не знаю, чем там закончится, но статью могут применить серьезную. И не за убийство твоего бывшего подопечного объекта, а за отключение тебя от системы контроля. В Департаменте «У» изъяли жесткие диски с нескольких компьютеров. Сам Владимир Вадимович пытается часть вины переложить на тебя, но это пока не прошло, и едва ли пройдет. Вероятно, тебя несколько раз вызовут на допросы по поводу твоих разговоров с профессором. У нас все эти разговоры записаны, так что, в случае чего, ты имеешь возможность предоставить официальную запись. Они даже проходят в журнале регистрации, поэтому могут рассматриваться как доказательства.

– Прослушивались все мои разговоры?

– Трубка служебная. При осуществлении контроля прослушивания со стороны запись разговоров производится обязательно.

– Понял, товарищ генерал.

– А как вообще настроение?

– Стараюсь быть в тонусе.

– С сыном перед отъездом пообщался?

¹ Здесь и далее: речь идет о событиях, описанных в романе С. Самарова «Департамент «Х». Нанобийцы».

- Только по телефону.
- И то ладно... Расстались, возможно, ненадолго. Придется, может быть, снова его навесить. Но это после короткого отдыха.
- Новая операция?
- Так точно.
- В Дагестане?
- Не только. В Дагестане ты только познакомишься с отечественными образцами современной техники. Там минометный дивизион взаимодействовал с отрядом твоего сына. Это были полномасштабные испытания, и ты должен будешь собрать все данные, какие удастся. Если повезет, поучаствуешь и в боевых испытаниях. Это, так сказать, начало твоей деятельности, вводная часть операции. Основная часть должна пройти в Афгане. Ты, я знаю, там бывал...
 - Две ротации, лейтенантом и старшим лейтенантом.
 - Впечатления от Афгана?
 - Скверные, товарищ генерал.
 - Другого и быть не может. Мы все там себя скверно чувствовали... Но придется обновить впечатления. И контактировать будешь с теми, с кем когда-то воевал. Будь готов. На отдых дается три дня, потом собирай группу. Сейчас свободен. И я свободен.
 - Вопрос, товарищ генерал...
 - Понимаю. Жена?
 - Так точно.
 - Ей осталось долечиться несколько дней. Матушку Александру и Юрия Павловича уже выписали, они разъехались по домам. Департамент «Z» приказал, кажется, долго жить, равно как и Департамент «Y»... Значит, опасаться пока нечего.
 - Только «кажется»?
 - Люди из ФСБ, из которых формировался личный состав этих департаментов, в коммерческие структуры не уходят, как было с офицерами КГБ, а возвращаются на старые места службы. Научились же. А то – разбросали то, что было наработано, потом создавали заново... Но теперь наработанное берегут. И мне не дано знать, чем они там будут заниматься. Возможно, под той же «крышей» продолжат поиски так и не найденных документов, ставших для тебя причиной многих неприятностей. Вполне логичное продолжение истории. Я этого не знаю, и потому прошу тебя быть внимательным, как в самые сложные времена. Не мне тебя учить, как ощущать опасность. Может быть, ее и нет, но не исключено и обратное. Так что ориентируйся по обстановке. Помощь будет предоставлена. А появятся у меня данные, сообщу незамедлительно. В любом случае, как мне кажется, до начала конкретных действий они сначала отправят запрос мне. Это вначале они пытались нагнать. Теперь научены, будут вести себя осторожнее и постараются уместиться в рамки закона. Тем не менее ты хорошо должен знать, что закон у нас очень вертлявый, сделанный второпях, и шелочек имеет превеликое множество. И это тоже должно накладываться на твое поведение определенный отпечаток. Еще что?.. Жену навестить тебе пока не удастся, там какой-то сложный процесс лечения. Необходимо полное отсутствие эмоциональных всплесков. Она считает, что ты в командировке, как и ваш сын, и потому спокойна. Наверное, привыкла к такому положению. Но врачи оберегают ее от любого волнения. Я сам хотел навестить Юрия Павловича, когда он там лечился, а меня, понимаешь, не пустили... И тебя к Надежде Павловне не пустят. У Юрия Павловича, как и у матушки Александры, состояние здоровья было совсем другим. Его случай несравненно легче. Дождись, пока ее выпишут. Забирать поедем вместе, если еще на месте будешь. А вообще, не переживай зря: я присмотрю за ней и обеспечу всем необходимым, в том числе и охраной. Вот теперь, кажется, всё... Нет, не всё. А я катастрофически засыпаю... Но есть еще один вопрос. Важный. У тебя осталась «глушилка» для сотовых сигналов?
 - У Гималая Кузьмича в сейфе лежит.

– Передай ее майору Старогорову, пусть постоянно держит с собой. Естественно, при включенной «глушилке» сотовым телефоном ему пользоваться не придется. А после выхода на службу ляжет на операцию по удалению микрочипа. Мне не нужен офицер, управляемый со стороны и контролируемый сторонней системой. Прямо так и передай. Можешь сказать предельно жестко, это будет уроком для всех. И постарайся, чтобы все слышали. Удаление микрочипа – операция более сложная, чем вживление, и со следующей боевой операцией я Старогорова снимаю. Будет поправлять здоровье... А вот теперь – всё. Я на пределе, сам чувствую. Придется брать служебную машину, чтобы добраться домой. Я дома уже три дня не был...

Генерал встал, показывая, что разговор окончен. Вид у него и в самом деле был измученный.

* * *

Группу развезли по домам. Полковника доставили прямо к подъезду. Свет в нем уже был исправлен в отличие от недавних дней, предшествующих командировке. Кирпичников вышел из машины, и микроавтобус двинулся дальше.

Полковник привычно не пожелал пользоваться лифтом и поднялся до двери по лестнице. Квартира была пустой, казалась пыльной и прохладной, хотя топили по сезону, да и пыли много накопиться не успело – командировка в Дагестан была короткой. Тем не менее в воздухе витал дух нежилого помещения. Чувствовалось, что в доме не было хозяйки, давно уже не было. Конечно, Геннадий взял на себя обязанности матери, и за время своего присутствия в Москве следил за квартирой; но мужская рука никогда не сможет заменить руку женскую во всем, что касается наведения порядка. Владимир Алексеевич зажег свет везде, где только было можно, даже в ванной комнате и в туалете. Так больше похоже на нормальное жилье...

Была уже глубокая ночь. Тем не менее Кирпичников взялся делать уборку. Старался убираться тщательно, как это всегда делала Надежда. Он не торопился, потому что успел выспаться в самолете, и никто не подгонял его.

Во время уборки вспомнилось, как покраснел майор Старогоров, когда полковник передал ему слова генерала. При всех передал, почти дословно, без желания смягчить. Скорее всего, майор уже осознал свою ошибку, как и понял никчемность стараний прыгнуть выше собственной головы. Кому-то это дается, кому-то не дается; главное – вовремя понять и не делать попыток повторения. Выслушав полковника, Старогоров принял из его рук коробку с «глушилкой» и щелкнул каблуками, подтверждая, что приказ уяснил. Но сказать ничего не смог. Видимо, спазм обиды заткнул горло.

Желание майора ходить с микрочипом в бедре не поддерживал никто из оперативной группы, как никто не поддерживал и стремления Станислава Юрьевича стать командиром группы. Любой из бывших спецназовцев ГРУ – а именно они составляли большинство – мог бы претендовать на это место с большими основаниями. Даже капитан Радимов имеет больше боевого опыта, чем Старогоров. Все основания майора, все его претензии на главенствующую роль сводились к тому, что он командовал первой операцией, которая окончилась успехом. Но тогда в группе не было такого количества старших офицеров. Подразделение, грубо говоря, стало более высокого уровня; следовательно, и командир уже требовался другой. Спорить с этим было глупо, хотя Старогоров, наверное, мысленно и спорил. Кроме того, опытные офицеры спецназа в любом случае были на стороне такого же, как они сами, спецназовца военной разведки, и уж никак не пограничника. Единственный человек, кто, кроме Старогорова, не имел отношения к ГРУ, – это майор Ставрова; но и она, как казалось командиру, бывшего начальника погранзаставы не поддерживала и даже порой прерывала его попытки завести соответствующий разговор. Конечно, желание офицера перейти на более высокую должность нормально. Но в армии не бывает разнотолков по этому поводу. Командир всегда тот,

кого назначили таковым. И пусть погранвойска – это не армия, но они живут по тем же армейским законам. Поэтому поведение Старогорова было не совсем понятно, и эта непонятность нервировала. Ведь группа работала в сложных условиях, которые требовали наличия рядом надежного человека...

Сигнал трубки спутниковой связи оторвал Кирпичникова от уборки помещения и от мыслей о Старогорова. Звонок среди ночи, уже ближе к утренним часам, был весьма странным явлением. И номер спутниковой трубки знало ограниченное число людей. Это могло быть только что-то срочное. Владимир Алексеевич поспешил в прихожую, где не сразу нашел в кармане бушлата чехол с трубкой. Определитель показал номер сына.

– Привет, сынок. Давно не виделись, – сказал полковник привычно строго.

Он всегда, с самого детства разговаривал с сыном именно так, приучая Геннадия к аскептичности и армейскому порядку. Строгий тон разговора вполне вписывался в ту систему воспитания, что применял отец.

– Извини, что разбудил...

– Не разбудил. Я еще не ложился. До дома добрался, начал уборку делать. Не люблю дышать пылью, а уж спать в пыльном помещении – тем более... Мама еще недельку, говорят, лечиться будет. Не ждать же! Да и к ее возвращению нужно порядок навести. В общем, всегда лучше разгрести понемногу, чтобы потом не пришлось сразу бульдозер заказывать... А ты когда вернешься?

– Да вот только что, часа не прошло. А тут меня встретили какие-то старшие офицеры и потребовали написать беспристрастный рапорт о том, как работали минометы. И поинтересовались, не родственник ли капитан Кирпичников полковнику Кирпичникову. Они тебя не знают, но в курсе, что ты скоро приедешь к нам для продолжения испытаний. Оказывается, минометы, которыми мы добавили банду, были экспериментальными. Ты сам-то в курсе? Или тебя, как полагается, «без тебя женили»?

– Я в курсе. Мне два часа назад об этом наш генерал сказал. Кстати, сынок, у моей трубки, скорее всего, уже отключен контроль за прослушкой. Так что будем придерживать языки...

– Понял, папа. Но я о других делах, несекретных. Мы на днях проводим пятидесятипроцентную ротацию, и у меня есть возможность вернуться в бригаду вместе с половиной отряда. Смена прибывает завтра. Вопрос возвращения оставлен на мое усмотрение. В связи с внеочередным присвоением звания я мог бы вернуться, чтобы заступить на новую должность в штабе батальона. Там я буду курировать все кавказские командировки, осуществлять планирование и подготовку. А могу остаться, чтобы здесь более плотно входить в дело; должность же останется за мной. Приказ уже подписан, осталось только получить новые документы. Я уже собрался было ехать, когда меня предупредили о твоём предполагаемом приезде. Сказать, когда это будет, по телефону не можешь?

– И не могу, и не знаю. Думаю, что не раньше чем через неделю. Три дня мы отдыхаем, потом будет обязательное введение в курс. И только после этого начнется подготовка. Сколько она продолжится, не известно никому; но это не вопрос часа или даже одного дня. В общем, ориентироваться тебе следует на период от недели до десяти дней. Да и наш генерал говорил, что я должен у тебя кое-что узнать и по возможности поучаствовать в реальной операции с привлечением новой техники.

Несмотря на то что полковник сам предупредил сына о том, что его трубка работает без контроля за прослушкой, он невольно разговорился. Впрочем, ничего секретного Кирпичников-старший и не знал.

– Я в курсе. Уверяю тебя, посмотреть есть на что. Такое мало кто видел. Приезжай, я тебя обязательно дождусь. И хорошо, что ты предупредил об операции. Постараюсь подготовить тебе такую. У нас уже есть наметки. Но мы хотели форсировать дело. Значит, форсировать не будем...

- Постарайся подготовить наглядную базу данных.
- Обещаю. А потом уж и в бригаду отправлюсь. Там уже стол накрыли, чтобы звездочку обмыть – и дома, и на службе...
- Водка в холодильнике лишь вкус приобретет.
- Ты предполагаешь задержать меня надолго?
- Хочу провести для тебя экскурсию по местам боевой молодости отца. А если серьезно, то предстоит командировка. Возможно, возьму тебя в сопровождающие. Но не уверен, что получится взять.
- Я буду готов... Ну, ладно, хватит о делах грядущих. Что там с делами настоящими? Как мама? Ты узнавал?
- Генерал узнавал. Выпишут через неделю. Генерал обещал за ней присмотреть. Пока меня к ней не пускают, чтобы не волновалась. Там лечение особое, требует полного спокойствия.
- На вашего генерала, кажется, можно надеяться.
- Можно.
- Тогда у меня всё.
- Будет что-то конкретное, я тебе сообщу...

ЧАСТЬ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

За три дня отдыха Владимир Алексеевич, которого даже по телефону никто не беспокоил, измучился от безделья. Его натура требовала движения, действия – физического, насыщенного нагрузками, но сопряженного с умственной деятельностью, иногда достаточно тяжелой. А тут самое большее, что он мог себе позволить, – это сходить в магазин за продуктами. Все остальное время Кирпичников проводил за рабочим столом в кабинете, где читал книги, которые любил еще в детстве, – приключенческую и романтическую литературу. Он совсем не читал современных авторов, считая их скучными и безвкусными, и уж тем более презирал электронные форматы книг, будучи твердо уверен, что, если не держать в руках настоящий бумажный том, от книги невозможно получить удовольствие. Получить информацию можно, но нельзя путать информацию с удовольствием...

Но даже чтение старых и некогда любимых книг не могло снять состояние, от которого накапливалась усталость. Мысли от прочитанного порой уходили в настоящее, порой в прошлое, порой в будущее, и радости они не доставляли. Владимир Алексеевич догадывался в глубине души, что такое настроение создается одиночеством. Привыкший к тому, что жена постоянно рядом, он с трудом выносил одиночество, хотя умел выносить многие тяготы, гораздо более мучительные в физическом и моральном плане. Поэтому Кирпичников стремился как можно быстрее попасть на службу, чтобы за делами забыть о семейных проблемах.

Ночью опять позвонил Геннадий, только теперь раньше на три часа, прямо накануне выхода на службу. И в этот раз он разбудил отца.

– Да, сынок, слушаю.

Владимир Алексеевич намеренно постарался сделать голос бодрым, чтобы не показывать капитану свою усталость и кислое настроение. Подобное состояние заразно, оно способно перейти к другому человеку, словно вирус. А передавать его сыну вовсе не хотелось.

– Можешь меня поздравить, отец. В меня только что стреляли из «дальнобойки». Прорбили окно в канцелярии, но пуля только щетину на щеке задела.

– Рад за тебя. Легко отделался... Как же ты так неосторожно подставился?

– А как тут не подставиться? Кто мог предположить, что с горы в паре с половиной километров от нас могут стрелять снайперы? Расстояние-то какое... Было бы расстояние меньше, снайпер не промахнулся бы. Да он и так чуть не попал.

– Чуть – это уже не попал, и ты должен свечку богу поставить в благодарность. В этот раз он тебя защитил, в следующий раз уже может не успеть... Сам не подставляйся.

– Теперь буду осторожнее. Завтра возьму на складе клеящуюся пленку. Я видел ее раньше, только не находил ей применения. Заклеим все окна. Сейчас послал группу солдат прочесать гору. Хотя, пока они туда добегут, никого уже не будет. Там рядом дорога проходит, сел на машину и уехал. Я вызвал следственную бригаду из ФСБ.

– Следственную бригаду вызывают, согласно организационным играм в силовых структурах, кажется, уже из Следственного комитета, – поправил полковник сына. – Хотя я точно не знаю.

– Ну, оперативную бригаду... Факт следует зафиксировать. Пусть пулю из стены выковыряют; хотя бы определят, из какой винтовки стреляли. Это тоже след. Я не уверен, что стреляли

специально в меня. Скорее просто в офицера спецназа. На второй выстрел я им времени не дал, спрятался за простенок. «Дальнобойка» страдает отсутствием скорострельности – после ее выстрела снайперу еще прочихаться надо. Много газов. Я этим моментом и воспользовался.

– Молодец. Будут данные следствия, сообщи. Я ложусь спать, но ты не стесняйся звонить, если что. С утра выхожу на службу. Трубка у меня, естественно, с собой. Звони...

Как опасны могут быть снайперы, Кирпичников-старший знал хорошо. А хороший стрелок, вооруженный к тому же хорошей дальнобойной крупнокалиберной винтовкой, способен создать серьезнейшие проблемы.

Опасное положение, в которое попал сын, взволновало полковника, но, будучи человеком военным, часто встречающимся с различного рода угрозами и сложными положениями, он смог заснуть уже через несколько минут и спокойно проспал до самого утра.

Позавтракав, как обычно, плотно, Владимир Алексеевич быстро собрался и хотел уже было двинуться к двери, когда заметил на полу закладку, выпавшую из книги. Он наклонился, чтобы поднять ее, и в это время в окно влетела пуля. В сдвоенных стеклах зазияли аккуратные сквозные дыры. Значит, пуля была не на излете. Но дыры были слишком большими для обычной пули. И мысль, что этот выстрел аналогичен выстрелу в Геннадия, появилась сразу. Пуля, несомненно, летела полковнику в голову, и угодила бы туда, не пожелай он наклониться за закладкой. Так пристрастие к бумажным книгам, по сути дела, спасло Кирпичникову жизнь.

Выключать свет в комнате смысла уже не было. Пуля пролетела до противоположной стены, выбила основательный кусок кирпича, срикошетила, ударила в шкаф, стоящий у боковой стены, но уже плашмя, и отлетела на середину комнаты. Брать ее, горячую, голыми пальцами не было необходимости. И так возможно было увидеть, несмотря на ее естественную деформацию, что она вылетела из дула крупнокалиберной дальнобойной снайперской винтовки. А таковые, как правило, имеют оптический прицел с тепловизором, для которого наличие или отсутствие света роли не играет. Дальности полета пули хватало, потому что стреляли, скорее всего, из лесопарковой зоны – ближе места для стрелка найти было невозможно. А это уже дистанция около двух с половиной километров. Тем не менее выстрел был вполне удачным. Даже очень удачным, если учитывать расстояние, с которого он был произведен. И помогла только случайность.

Бросаться самому на поиски неизвестного снайпера было бы глупо: снайпер преспокойно уйдет пешком, пока Владимир Алексеевич добежит до лесопарковой зоны. Хотя большинство «дальнобоек» имеют такие габариты, что гулять с этой винтовкой невозможно...

Сев в кресло в углу комнаты, где никакая пуля со стороны достать его не могла, Владимир Алексеевич позвонил генерал-лейтенанту Апраксину и доложил ему о происшествии. Не забыл сообщить и о том, что этой же ночью, только несколькими часами раньше, причем тоже с использованием КСВ², было совершено покушение на капитана Кирпичникова. Не связать эти два выстрела один с другим было просто нельзя. Таким образом, сам собой напрашивался вывод, что Департамент «У», несмотря на свое расформирование, продолжает свою работу в каком-то другом правовом статусе.

Виктор Евгеньевич отнесся к сообщению спокойно и по-деловому, пообещав сразу же прислать экспертную группу ФСБ и машину Департамента «Х» вместе с дополнительной охраной, чтобы после завершения работы экспертов отвезти Владимира Алексеевича к месту службы в целостности и сохранности, без лишних отверстий в теле. Естественно, порекомендовал сразу же занять в квартире такую позицию, которая исключала бы возможность увидеть хозяина в прицел. Оперативники ФСБ, в свою очередь, должны были обезопасить квартиру, проведя осмотр лесопарковой зоны, о чем решил позаботиться сам генерал. Владимиру Алек-

² КСВ – крупнокалиберная снайперская винтовка. Как правило, эффективная дальность прицельной стрельбы всех КСВ не менее полутора километров; следовательно, все они относятся к дальнобойному оружию.

сеевичу осталось только ждать. А ждать пришлось долго – по утрам автомобильное движение в Москве напряженное, и оперативная группа ФСБ никак не могла добраться до квартиры полковника.

Устав ждать, через полтора часа Кирпичников-старший не выдержал и позвонил сыну. Геннадий ответил сразу, словно держал трубку в руках.

– Здравия желаю, товарищ полковник. Я на плацу, занятия провожу...

– Я надолго не оторву.

– Я не о том. Меня только что уже оторвали. Сообщение передали.

– То-то, я вижу, ответил быстро...

– Даже трубку убрать не успел. Я сейчас задание дам – и перезвоню.

– Перезвони. У меня тоже только сообщение, но оно требует анализа.

Владимир Алексеевич успел перейти на кухню, окно которой выходило во двор, на другую сторону дома, и поставил на газовую плиту чайник. Здесь, как казалось, можно было без опасений прогуливаться перед окном – сложно предположить охоту на полковника двумя снайперами с разных сторон. После этого Кирпичников еще и разделся, потому что ему стало жарко.

Геннадий позвонил раньше, чем успел закипеть чайник.

– Всё, папа, я пока свободен. Оставил за себя командира взвода, он проведет занятие. Кто будет передавать сообщение, я или ты?

– У тебя сообщение, касающееся нас двоих?

– Нет, касающееся меня и командира минометного дивизиона.

– Интересно. Говори...

– Его сегодня утром зарезали при выходе из магазина. Он всегда рано выходит, еще в темноте. По дороге на службу подкараулили. Нож прямо в сердце, со спины. Мне позвонил следователь, который выезжал в городок после того, как в меня стреляли. И новая версия появилась: мстят оставшиеся на свободе члены банды амира Абдулмуслима Газалиева. Попросили меня соблюдать особую осторожность.

– Твои парни нашли место, откуда в тебя стреляли?

– Нашли. И даже гильзу нашли. 12,7х99. Винтовку стрелок на большой валун устанавливал. Снег там утоптал. Башмаки с рифленой подошвой, но не армейские. Сфотографировали рядом с «масштабом». Линейки не было, положили спичечный коробок. Можно высчитать размер. Дальномером определили расстояние до моего окна – километр девятьсот девяносто шесть метров. Я, как видишь, переборщил с двумя с половиной тысячами. Но на такое расстояние могут только стрелять редкие винтовки. Основной предел – две тысячи метров. Это считается стандартом.

– Это, однако, тоже дистанция, причем для специалиста... Среди боевиков такого еще поискать. Я вот ни разу не встречал. Валеев может с такого расстояния попасть, но он один такой на весь спецназ ГРУ. Подскажи следакам, пусть ищут снайпера. Пусть слухи ловят, осведомителей тормозят. Это реальный след. Но я боюсь, что им не найти стрелка, даже если искать будут хорошо и всеми наличными силами.

– Ты что-то знаешь? – удивился Геннадий.

– Ничего не знаю. Только сегодня, меньше часа назад, стреляли и в меня. Через окно, как в тебя. Стиль один, калибр примерно такой же. Более точно сказать не могу. Я, честно говоря, предположил, что это Департамент «У» огрызается перед кончиной. Но ты дал новое направление моей мысли. Хотя это может быть просто совпадением...

– Новое направление? – переспросил капитан. – Ты в него вообще-то вписываешься, поскольку уничтожение самого Газалиева – на твоём личном счету.

– Новое направление дало твоё сообщение о командире минометного дивизиона. Больше пока сказать по телефону не рискну. Хотя мысль интересная... Однако мне требуется

проверка. Если моя трубка в момент твоего прошлого звонка не контролировалась, вполне может оказаться, что я прав и дело значительно серьезнее.

– Объясни хоть намеком.

– Я и сейчас не знаю, контролируется ли моя трубка, поэтому разговаривать не буду. Позвоню тебе после обеда. Жди. И соображай. Вспомни наш прошлый разговор. В деталях вспомни. Возможно, именно в нем причина. По крайней мере, у меня начинает складываться как раз такое впечатление.

– Испытания...

– Возможно. Ладно, до связи, ко мне приехали «опера». Наконец-то добрались...

– До связи. Жду звонка.

– Прочитай все варианты. Из того, что ты знаешь, тоже можно сделать выводы.

* * *

Дверь Кирпичников-старший открыл не сразу, понимая, что после неудачного выстрела снайпера может последовать продолжение – кстати, под видом тех же оперативников ФСБ, приезд которых обещал генерал-лейтенант Апраксин. Дверной глазок показал на лестничной площадке группу людей, из которых двое были в военной форме, а четверо – в штатском. Владимир Алексеевич внимательно рассмотрел каждого из пришедших в дверной глазок. Все были слишком холеные, чтобы казаться и быть опасными.

– Кого господь послал? – спросил Кирпичников.

– Оперативная группа ФСБ по вызову генерала Апраксина. Без господя обошлось...

Владимир Алексеевич открыл дверь, готовый на всякий случай отпрянуть за косяк и выхватить пистолет из уже расстегнутой кобуры. Конечно, в малом пространстве рассчитывать на победу одного ствола над несколькими было бы трудно, однако возможно для человека, имеющего определенную подготовку. Всегда есть вероятность прикрыться телом первого, кто получит пулю, и стрелять из-за него, как из-за щита. Рассеивая внимание входящих, полковник сказал:

– Без господя ничего не обходится. Всему, даже плохому, есть его попустительство.

– Мы не будем вступать в диспут о силе и возможностях бога, – заметил старший из пришедших. – У нас другая задача. Для начала представлюсь: полковник Солнцев. Вы можете не представляться – мы знаем, кто вы. И без генерала Апраксина, кстати, знаем.

Это прозвучало как намек. Кирпичников мимо ушей его не пропустил, но заострять внимание на нем не стал.

– Тем не менее могу вас уверить, и дьявол ничего не может сделать без попустительства господя, – сказал полковник последнее слово. – Если он готовит нам какую-то гадость, значит, господь разрешил ему испытать нас на вшивость.

– Где? – Солнцев предпочитал сразу перейти к исполнению своих обязанностей.

– Проходите, – Владимир Алексеевич с сомнительным гостеприимством показал рукой, в какую комнату следует пройти. – А в лесопарковую-то полосу...

– Туда другая группа выехала. И включена операция «Перехват» на дорогах. Генерал сказал, что стреляли из КСВ, а ее в руках носить никто не будет. Если на месте не бросили, – а таких дураков тоже еще поискать, – то повезли на машине.

– Можно и тайник в лесопарковой зоне сделать, – возразил Кирпичников. – Если делал специалист, найти такой будет трудно. Просто установить контейнер под снегом, и всё. Снег лежалый, подтаявший, закрывается выпиленным снежным кирпичом. Я сам такие штуки на Кавказе делал.

– Специалисты-поисковики ищут, – дал гарантию старший группы. – Они у нас тоже есть. Ага... Вот и пуля... Двенадцать и семь. Интересно, гильза какая?

– Предполагаю, что «двенадцать и семь на девяносто девять». Значит, стреляли из импортной винтовки³.

– На чем может основываться такое предположение?

– Около шести часов назад в Дагестане из КСВ стреляли в моего сына. Поисковая группа нашла гильзу и отпечатки обуви стрелка.

– Это уже след... Куда можно сделать запрос?

– В республиканское управление ФСБ Дагестана. Предполагаю, можно поискать и ближе. Наверняка те же данные запросило управление спецназа ГРУ. Думаю, есть смысл обратиться напрямую к командующему.

– Полковнику Мочилову?

– Да. Мочиллов заинтересован в том, чтобы подобные случаи не повторялись.

– Нет уж, спасибо, нам по своим каналам легче. Эксперты начали, начнем и мы.

– С чего?

– С рапорта.

– Могу высказать исключительно фактическую составляющую сегодняшнего инцидента. Предполагаю, что с вашей стороны должны прозвучать вопросы о возможных причинах покушения.

– Обязательно. У вас наверняка есть версии.

– Даже целых три. Имею право высказать вам единственную, а остальные две – только после разрешения со стороны своего руководства. То есть после разговора с генерал-лейтенантом Апраксиным.

– Можно до написания рапорта высказать версию устно? – спросил полковник Солнцев. – Чтобы я имел время на обдумывание наводящих вопросов.

– Бога ради. Три с небольшим дня назад моей оперативной группой при поддержке отдельной мобильной группы спецназа ГРУ под командованием подполковника Вельчанинова и сводного отряда спецназа ГРУ под командованием капитана Кирпичникова, а также минометного дивизиона... не знаю, кто им командовал, но этот офицер сегодня утром был убит ударом ножа в спину возле магазина по дороге к месту службы... И так, нами была уничтожена банда амира Абдулмуслима Газалиева, известного в Дагестане террориста. Выстрелом моего снайпера был убит и сам амир, готовивший взрыв в здании ФСБ.

– Я в курсе этого дела. Читал сводку. Значит, это вы там отработали?

– Мы. После этого стреляли в моего сына, стреляли в меня и зарезали командира минометного дивизиона, который командовал уничтожением базы боевиков. Предполагаю возможным рассматривать все три случая совокупно как месть оставшихся в живых пособников бандитов. Хотя официально считается, что банда уничтожена полностью. Но официальные сводки не обязательно бывают исчерпывающими.

– Версия достаточно жизнеспособная, – согласился полковник Солнцев. – И даже весьма, я бы сказал...

– Не совсем. Есть моменты серьезного сомнения.

– Что вас смущает?

– Где бандиты взяли такого стрелка, что стреляет с дистанции около двух тысяч метров почти точно? Даже двух, как я считаю, таких снайперов. Сыну пуля задела шетину на щеке; меня спасло только то, что я вовремя наклонился. Если бы в Дагестане существовал такой снайпер, мы все давно о нем уже слышали бы. При ином раскладе был только один стрелок; тогда возникает вопрос, какими средствами располагают бандиты, чтобы за короткое время перебросить его из Дагестана в Москву? Причем вместе с винтовкой.

³ Российские КСВ этого калибра имеют патрон «12,7x108».

– Возражение серьезное, – не мог не согласиться Солнцев. – Что касается двух снайперов, то я допускаю, что работал один человек. У него было время долететь до Москвы – например, с каким-нибудь промышленным оборудованием на грузовом самолете. Винтовка замаскирована под оборудование. Все реально. Такие случаи бывали. Правда, не у нас, а за границей. Так, два человека в разных частях США были убиты одним стрелком в течение четырех часов. Но этот вопрос – я имею в виду количество снайперов или хотя бы количество винтовок – мы сможем выяснить с помощью баллистической экспертизы.

В это время в дверь позвонили, и Владимир Алексеевич, извиняясь, кивнув полковнику, пошел открывать. Прибыла машина, а с ней два охранника, подполковник Лукошкин и полковник Денисенко. А привез всю эту компанию сам генерал-лейтенант Апраксин, поднявшийся по лестнице последним...

2

– Охрана у тебя теперь надежная, – сказал генерал, кивая не столько на охранников, сколько на двух бывших спецназовцев ГРУ, ставших членами оперативной группы полковника Кирпичникова. – Такой и государственные чиновники не обладают. Хотя от снайпера с КСВ они тебя спасут едва ли. Как не спасет, боюсь, и это. Однако на всякий случай...

Генерал передал Владимиру Алексеевичу пакет с американским нанокостюмом, заменяющим бронежилет и защищающим все части тела, в том числе и голову. В этом костюме полковник проработал всю минувшую операцию и даже испытал его, получив в грудь автоматную очередь. Ребра побаливали до сих пор; тем не менее и полковник остался цел, и сам нанокостюм не пострадал. Голова защищалась плотным многосекционным капюшоном. От ударного эффекта пули он уберечь не мог, но пробить его было невозможно, а это уже кое-что...

– Остается надеяться на себя?

Владимир Алексеевич извлек из пакета костюм.

– Что за штука такая, товарищ генерал? – Полковник Солнцев потрогал пальцами ткань и пожал плечами. Он не понимал, что это такое. – А это вообще может спасти?

– Меня уже спасло однажды от автоматной очереди в грудь, – объяснил Кирпичников.

– Рассказывайте сказки! – скривился Солнцев. – Я же вижу, что это не кевлар, здесь текстура другая. На мне сейчас кевларовый жилет...

– Кевларовый жилет не спасет ваши ребра, а этот нанокостюм мне мои спас... – Владимир Алексеевич объяснял спокойно и ненавязчиво, не стараясь убедить. В принципе, ему было безразлично, поверит ему полковник ФСБ или не поверит. – Я пока переоденусь.

Он вышел в другую комнату, а Солнцев посмотрел на генерала.

– Нанокостюм – это что-то новое... Производство Чубайса и компании?

– Насколько мне известно, компании Чубайса пока не удалось произвести что-то подобное. Но он и ставит перед собой, кажется, иные задачи. Его главная цель – создание миниатюрных микрочипов для вживления в человеческое тело. Все остальные темы – только попутные, хотя и широко рекламируются. Но пока все успехи российских производителей нанопродукции никак не связаны с компанией Чубайса.

Полковник ФСБ предпочел не поддерживать данную тему.

– Ладно, товарищ генерал. На данный момент перед нами стоит конкретная задача. Полковник Кирпичников подсказал одну интересную и правдоподобную версию покушения, но сам в нее не верит. Говорит, что имеет еще две версии, однако может говорить о них только после вашего разрешения. Вы таковое, надеюсь, дадите?

– Я пока ни с одной версией не знаком, – сдержанно сказал генерал. – Познакомьте хотя бы с той, что довел до вас Владимир Алексеевич.

Солнцев, глядя до безобразия честными глазами, уже было раскрыл рот, но в этот момент его мобильник заголосил какой-то азиатской мелодией.

– Извините, товарищ генерал, – сказал полковник, глянув на определитель. – Должно быть, поисковая бригада чего-то добилась.

И приложил трубку к уху.

– Слушаю, полковник Солнцев. Да. Молодцы, что еще сказать... И что? Понятно. Так. Так. Могу только поздравить. Да. Всё, как планировали. Продолжайте в том же духе.

У трубки Солнцева был слабый голос, доходящий только до уха обладателя. Другим не дано было услышать ни одного слова.

– Поисковая бригада, товарищ генерал, обследовала участок лесопарковой зоны, откуда можно было стрелять по окнам полковника Кирпичникова. Нашли подходящую сосну. Сосен там, впрочем, много, но на этой были следы от «кошек», похожих на те, которыми пользуются монтеры электросетей, когда взбираются на деревянные столбы. Вернее, раньше пользовались, когда столбы были деревянные, а у монтеров не было никаких подъемных механизмов. Сейчас «кошки» для деревьев используются в различных подразделениях спецназа.

– Используются, – с авторитетностью эксперта подтвердил подполковник Лукошкин. – У нас полковник Денисенко большой спец по «кошачьему вопросу».

– Было дело, – согласился Денисенко. – Многократно пользовался. Удобная, доложу вам, штука, но требует определенных навыков. Рекомендую на досуге потренироваться.

– Так вот, – продолжил Солнцев, не обращая внимания на рекомендации Денисенко. – С помощью «кошек» некто взобрался на сосну и стрелял с нее. Винтовку опереть было, видимо, не на что, потому что до кроны он не добрался. Стрелял с середины ствола. Из этого наши специалисты делают вывод, что винтовка была не из самых длинных и тяжелых. Большая КСВ требует или упора, или места, на которое можно установить раскладные ножки... Нашли и гильзу. Снайпер, видимо, сам искал ее, о чем говорят следы ног в снегу. Но горячая гильза провалилась в снег, а время поджимало. Или помешал кто-то... Там неподалеку лыжня проходит; может быть, ранний лыжник пробегал. Короче говоря, снайпер удалился вместе с винтовкой. Его проследили до того места, где он встал на лыжи и ушел. Но ушел недалеко. Там поблизости незамерзающий родник есть, многие местные жители к нему за водой ходят. Целая тропа протоптана. Родник окружен камнями, среди них снайпер спрятал «кошки». Их нашли. Надеялись найти и винтовку, но ее там не оказалось. Дальше следы снайпера потерялись.

– Значит, что мы имеем из вещдоков? – спросил Апраксин.

– Имеем только пулю, гильзу «двенадцать и семь на девяносто девять», и «кошки». И знаем, что снайпер ходит на лыжах. Характерного следа на общей лыжне выделить не удалось, но выделили отметины его лыжных палок. Сфотографировали. Не совсем обычные. Это тоже след...

– Товарищ полковник, – позвал Солнцева молодой сотрудник в штатском, сидящий за принесенным с собой ноутбуком. – Я скачал материалы следствия и результат баллистической экспертизы по гильзе и по пуле из Дагестана. Они очень быстро сделали. Будете сейчас смотреть?

Солнцев глянул на вернувшегося в нанокостюме Кирпичникова.

– Нет, позже. Товарищ генерал, может быть, вы с полковником определитесь с версиями, которые можете подсказать следствию?

Виктор Евгеньевич вопросительно посмотрел на Владимира Алексеевича. Тот раскрыл дверь в соседнюю комнату, приглашая генерала удалиться. Разговор длился не больше трех-четырёх минут. Вышли они вместе.

– К сожалению, товарищ полковник, – хмуро сказал генерал Солнцеву, – Владимир Алексеевич высказал вам все, что можно было. Остальное составляет государственную тайну.

– Даже для сотрудников ФСБ? – Солнцев поднял брови.

- Тем более для сотрудников ФСБ, – хохотнул полковник Денисенко.
- К подобной информации следует иметь соответствующий допуск, – объяснил генерал Апраксин. – Не вообще – допуск, а именно соответствующий.
- Допуск оформляется у нас в управлении.
- Нет. Он должен оформляться правительственной комиссией по вопросам вооружений. Можете сделать запрос туда. Но не советую торопиться. Сначала я попытаюсь выяснить что-то по своим каналам. Если одна из версий подтвердится, вам придется передать производство в другой отдел.
- Политиком? – Солнцев чуть не зевнул при произнесении этого слова.
- Нет. На сей раз – вполне приличным людям. В контрразведку. Солнцев поморщился с явным неудовольствием...

* * *

В принципе, оперативной группе ФСБ было особо нечего делать в квартире. Всё, что они могли увидеть, – это дыры в двойном стекле и пуля. Пробоины они осмотрели и сфотографировали, пулю забрали с собой, пообещав к вечеру сообщить полковнику Кирпичникову результаты сравнительной баллистической экспертизы. Тем более что сравнивать было с чем. В картотеке ФСБ было немного данных аналогичной экспертизы, поскольку КСВ в практике заказных убийств в России, да и в мире, используется крайне редко. Генерал в присутствии полковника Солнцева позвонил в НЦБ Интерпола и договорился о том, чтобы провести международную сравнительную баллистическую экспертизу. После этого Солнцеву осталось только раскланяться и попрощаться с сотрудниками Департамента «Х». А потом и последним подошло время отправляться на базу, где уже накопилось немало дел.

Генерал посадил Владимира Алексеевича в свой тяжелый внедорожник «Тойота Ленд Крузер», поскольку тот была бронированным. Конечно, даже такой автомобиль не спасет от пули из КСВ, которая способна пробить лобовую броню бронетранспортера. Естественно, не простой пули, а имеющей стальной каленый сердечник. Но с КСВ по улицам никто не бегаёт, а дать автоматную очередь из проезжающего мимо автомобиля вполне могут. Вот от такой очереди спасет и нанокостюм, и тем более бронированный автомобиль.

Говоря по правде, Апраксин не думал, что кто-то решится стрелять во Владимира Алексеевича в Москве в открытую. Он полагал, что это сделали люди, имеющие основания быть предельно аккуратными и осторожными. И думал так же, как и сам Кирпичников, что это не кавказские бандиты, хотя и последних сбрасывать со счетов было нельзя. Те два варианта, которые генерал утаил от полковника Солнцева, казались более жизнеспособными. Согласно первому, это продолжение дела о пропавших документах убитого священника отца Викентия. В поиске документов был задействован Департамент «Z», который за применяемые им незаконные методы находился ныне на стадии расформирования или, в другой интерпретации, реформирования. Но эти незаконные методы остались бы скрытыми, если бы дело не выплыло на поверхность и если бы не были похищены из психиатрической больницы люди, на которых Департамент «Z» вместе с Департаментом «Y» ставил эксперименты. И в числе этих людей была жена полковника Кирпичникова. Во избежание огласки властные структуры сами решились на репрессивные меры против «Зет». Но, в действительности, как прекрасно понимали и Апраксин, и Кирпичников, такая структура, как Департамент «Z», была необходима нынешней власти. И она должна была бы вскоре появиться вновь под другим именем. Но предварительно следовало «подчистить» все концы в предыдущем деле. Этим и могло быть вызвано двойное покушение – на отца, а перед этим и на сына Кирпичниковых. При этом Апраксин надеялся выяснить, получал ли Департамент «Z» такую же крупнокалиберную снайперскую винтовку «Барретт» M82A1M, какую сам генерал получал для своего Департамента.

Выяснение этого вопроса могло бы внести хотя бы небольшую ясность в ситуацию. Однако если «Зет» винтовку получал, это вовсе не значило, что использовали именно ее; а если не получал, то мог использовать и другое оружие, хотя достать «дальнобойку» высокого класса в России настолько же сложно, как купить для загородных прогулок танк последней модификации. И все же они время от времени появляются – чаще всего у боевиков на Северном Кавказе, куда попадают из-за границы от «добрых» спонсоров. Что эти спонсоры добрые и щедрые, сомнений не было: минимальная цена КСВ чуть меньше шестидесяти тысяч долларов, то есть винтовка равна по стоимости хорошей машине.

Согласно второму варианту, ситуация развивается еще хуже. Генерал точно знал, что контроль спутниковой трубки Владимира Алексеевича был отключен сразу после завершения операции в Дагестане, потому что стоимость данной опции достаточно высока, а бюджетные деньги приходится беречь – новых при перерасходе средств никто не даст. Значит, в тот момент, когда Кирпичникову-старшему сразу по возвращении позвонил сын и по неосторожности – вернее, потому, что никто не предупредил его о секретности миссии, – завел разговор об испытаниях новых минометов, трубку полковника, а следовательно, и весь разговор могли прослушивать. Могли «вести» и трубку капитана Кирпичникова. Если кто-то со стороны интересовался экспериментальными минометами, то он мог знать номер этой трубки и прослушивать разговор. И понять, что полковник Кирпичников, руководитель оперативной группы Департамента «Х», включается в испытания. Возможно, кто-то хотел сорвать российские испытания. Возможно, что было несравненно хуже, кто-то владел и более широкой информацией и пытался сорвать дальнейшие планы Департамента «Х». Это могло бы значить, что некая иностранная разведка имеет осведомителей или в самом Департаменте, или в правительстве среди кураторов и проработчиков вопроса. За свою контору генерал-лейтенант Апраксин хотел бы ручаться, но дать стопроцентную гарантию, естественно, не мог. За правительственных чиновников ручаться вообще бесполезно. Но попытка сорвать операцию имела бы далекоидущие последствия, вплоть до международных осложнений, разрешать которые можно только на уровне глав государств или министров иностранных дел. Операция, сорванная в пределах Российской Федерации, конечно, международного резонанса не имела бы, а вот за границей – особенно после того, как оперативная группа выполнит задачу, – можно было ждать скандала.

Все эти мысли одновременно вертелись в головах и у сидящего за рулем «Ленд Крузера» генерала Апраксина, и устроившегося на заднем сиденье полковника Кирпичникова. Последний не обладал всей информацией, поэтому не представлял себе общую картину. Хотя по отдельным деталям, что сообщил ему Виктор Евгеньевич при встрече группы, опытный спецназовец мог составить представление о сути дела и понять дальнейшие действия группы. Намеки генерала представляли собой обрывки информации, из которой, при умении анализировать, можно было создать почти верную цельную картину. А анализировать Кирпичников умел...

* * *

Хотя сразу по прибытии группы полковник Кирпичников предупредил Старогорова о необходимости лечь на операцию по извлечению из бедра микроципа, майор не спешил в медсанчасть Департамента, дожидаясь вместе со всеми приезда командира.

– К врачам заходил, Станислав Юрьевич? – спросил Владимир Алексеевич сразу, только переступив порог.

– Никак нет, товарищ полковник. Не успел еще.

– А что тянешь? Генерал отдал приказ еще три дня назад.

Старогоров смутился до того, что даже слегка покраснел.

– Я думал, товарищ полковник...

– Что ты думал?

– У вас ситуация напряженная. Думал, может, понадобится здоровый, при всех силах, – сказал Старогоров твердо, глядя прямо в глаза командиру. У самого майора глаза были, как у побитой собаки.

И Кирпичников понял его состояние, понял душевные муки Станислава Юрьевича. И простил его, полностью забыв недавние разногласия. Спросил уже совсем другим тоном:

– «Глушилку» с собой носишь?

– Обязательно. Пришлось из-за этого полностью отказаться от мобильного. Мне даже домой звонили с заставы. Жена с кухни, куда «глушилка» не достает, попросила перезвонить на городской номер...

– Ладно, – мягко сказал полковник. – Сходи в медсанчасть, генерал обязательно спросит. Старогоров ушел, кажется, слегка успокоенный командирским тоном.

Не успел Владимир Алексеевич сесть за рабочий стол, как ему позвонили на спутниковую трубку. Это был полковник Солнцев – на прощание Кирпичников продиктовал ему свой номер.

– Мы, Владимир Алексеевич, привыкли работать оперативно... – Солнцев говорил слегка хвастливо, с пионерскими интонациями в голосе. – Потому можете не удивляться такому скорому появлению первых данных. Короче говоря, по винтовке, из которой в вас стреляли, данных пока, естественно, быть не может. Только отдали на экспертизу и гильзу, и пулю. А по винтовке, из которой стреляли в капитана Кирпичникова, данные предоставил Интерпол. Мы же сразу переслали им файл. Этот ствол уже был «засвечен» дважды. Сначала в США, где застрелили одного кандидата в сенаторы, яростного и опасного политического противника бывшего президента. Потом, через год – от сегодняшнего дня три года назад, – из этого же ствола был убит заместитель какого-то министра в Венесуэле. Все выстрелы осуществлялись через оконное стекло. Видимо, у снайпера это любимое упражнение... Так стреляют нечасто. Из этого я делаю вывод, что в вас и в вашего сына стрелял один и тот же человек, и, видимо, из одного оружия. Несколько часов ему вполне хватило, чтобы прилететь в Москву и провезти винтовку. Должно быть, есть такая возможность. И винтовку он на месте не бросил, как бросил «кошки». Я так полагаю, привык к своему оружию. В этом я могу его понять.

– Спасибо за информацию, – сказал Кирпичников. – Примем к сведению.

– Комментарии какие-либо будут? – Солнцев словно бы ждал, что Кирпичников одной подсказкой решит всю задачу.

– Комментарии? – Владимир Алексеевич на пару секунд задумался. – Будут. Дело в том, что мы всей группой только накануне Нового года вернулись из Венесуэлы. Это может быть простым совпадением, а может, и нет... Больше ничего сказать не могу.

– Капитан Кирпичников тоже был в Венесуэле?

– Нет. Он оставался здесь, в Москве. Потом уехал на Кавказ.

– И у него никакой связи с Венесуэлой не имеется?

– Насколько мне известно, никакой. Но этот вопрос лучше задавать ему самому. Номер его мобильного я вам дал.

– Да, я обязательно позвоню капитану. Тогда у меня на текущий момент всё.

– Хорошо. Пищу для размышления вы мне подбросили. Буду думать.

Не успел полковник убрать трубку, как по внутреннему телефону позвонил майор Лазуткин и затребовал Кирпичникова к генералу. Владимир Алексеевич встал и осмотрел свою группу. В воздухе словно бы висело какое-то напряжение, и необходимо было его погасить. Командир нашел самый простой способ.

– Что у нас сейчас по расписанию?

– Занятия по психологической подготовке, товарищ полковник, – за всех ответила Тамара Васильевна.

– Тогда я не понимаю, почему группа не на занятиях...

* * *

– Ты в курсе ответа Интерпола? – сразу спросил Апраксин.

– Так точно, товарищ генерал. Звонил полковник Солнцев, объяснил... Меня смутило упоминание Венесуэлы.

– Тебе смущаться нечем, поскольку ты был в Венесуэле через три года после того выстрела. Три года назад с делом благополучно справились без тебя. Я полагаю, что это-то как раз и не должно привлекать нашего внимания. А сконцентрироваться стоит на другом: в капитана Кирпичникова стрелял какой-то международный киллер. И было бы очень интересно, если бы в тебя стрелял тот же самый человек. У нас появилась бы нить, за которую можно потянуть.

– Да, у меня уже промелькнула такая мысль, – согласился полковник. – Не так много самолетов летело из Дагестана в Москву за эти ночные часы. Проверить пассажиров реально.

– Вполне реально. Только бы результаты экспертизы подтвердили идентичность и дали толчок розыску. В ФСБ много людей без дела шляется, занимаясь никому не нужной ерундой. Пусть садятся за работу.

– Согласен. Это их прямая обязанность.

– Сыну звонил?

– Только утром. Вскоре после разговора с вами.

– Твою трубку уже взяли на контроль, я распорядился. Как выйдешь от меня, позвони сыну, заодно проверят и его трубку. Может, сумеют найти оператора, осуществляющего прослушивание. Это даст нам еще один шанс выяснить, кто против тебя работает. Или же, что мне кажется более вероятным, против нас. Даже не против Департамента, а против России.

– Обязательно позвоню, товарищ генерал.

– А теперь приступим к нашим основным делам. К тем самым, вести которые, как мы с тобой предполагаем, нам кто-то пытается помешать.

– Я готов...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

– Что ты знаешь о ГЛОНАСС?

– Мало. Главное, что я знаю и что для меня самого важно, через ГЛОНАСС кое-кто намеревается осуществлять контроль за всем населением страны. Контроль и управление. С помощью микрочипов или универсальных электронных карт, без разницы, но намерения такие есть.

– Да, эта сторона в деятельности ГЛОНАСС несет нам всем мало приятного. Но есть и много других сфер применения – как открытых, так и закрытых.

– Открытые – это автомобильные навигаторы?

– И они тоже.

– Кстати, навязывание наличия в каждой машине навигатора системы ГЛОНАСС тоже является звеном в системе всеобщего контроля. Мне кажется, здесь нарушаются сразу несколько законов – и о конкуренции, и о конституционных свободах. Навигатор ГЛОНАСС в каждой машине – это такой же ошейник раба, как и микрочип, вживленный в тело.

– Хорошо, что ты о навигаторах сам вспомнил. Потому что именно с ними – вернее, с некоторым их подобием, – твоей группе предстоит работать.

– Справились с микрочипами, справимся и с навигаторами, товарищ генерал, – уверенно ответил Кирпичников.

– Здесь не нужно справляться в том смысле, в каком ты работал с микрочипами. Здесь совсем другое. Можно сказать, прямо противоположное. Навигатор – он, кстати, именно так и называется – стал частью прицельного оборудования миномета. Пока такие прицелы испытывают только с минометами «Поднос»⁴, как с самым распространенным оружием малой артиллерии в нашей армии. Там, если знаешь, был собственный прицел, с которым приходилось на одно попадание истратить добрый десяток мин для пристрелки⁵. Теперь этот прицел меняют на новый. Если конкретнее, то не меняют, а пока только пытаются сделать новый и более совершенный.

– С навигатором?

– С навигатором, – подтвердил генерал.

– Я бы сказал, что интересно было бы посмотреть, если бы не понимал, что именно для этого и начат сегодняшний разговор; посмотреть удастся многократно, даже опробовать. А моему сыну уже удалось. Я слышал от него не конкретный, но восторженный отзыв.

– И даже опробовать удастся, – согласился Виктор Евгеньевич. – У нас в оперативной группе есть бойцы, умеющие обращаться с минометами?

– С простыми, без навигаторов, умеет каждый бывший офицер спецназа ГРУ, а таких у нас большинство. Не могу ничего сказать про Станислава Юрьевича. Тамара Васильевна, скорее всего, не умеет – у нее боевой опыт начал приобретаться уже на службе в Департаменте. Все остальные справятся с большинством существующих систем разных стран мира, не говоря уже о российских. Но, естественно, отсутствие постоянной стрелковой практики скажется на точности стрельбы в сравнении с профессиональными минометчиками. Это, я думаю, естественно.

⁴ Миномет «Поднос» – миномет 2Б14, калибра 82 мм.

⁵ Оптический минометный прицел МПМ-44М.

– Вот и прекрасно. Значит, можно сократить количество часов по изучению материальной части. И с навигаторами, надеюсь, работать все умеете.

– Автомобили есть у всех, права есть у всех. Что касается навигаторов, не могу этого гарантировать. Хотя, наверное, интересовались все и так или иначе пробовали. Но там система интуитивная, научиться недолго.

– В принципе, современное оружие создается с таким уклоном, чтобы солдаты могли за кратковременный период обучения...

– Неоправданно кратковременный, – добавил Кирпичников. – Невозможно за год подготовить полноценного бойца.

– Соглашусь, – сказал генерал. – Тем не менее за этот период обучения солдат должен получить устойчивые навыки, и потому все нынешние системы управления стараются делать предельно простыми. До примитивизма. Подготовленному офицеру с ними справиться вообще просто. Думаю, освоятся даже те, кто никогда не общался с минометом. Тамара Васильевна то есть. Старогорова же ты не берешь...

– Это вы его не пускаете. Я бы взял, пожалуй, – решил Кирпичников.

– Серьезно? Если вопрос стоит так, я тоже возражать не буду. Главное, чтобы он успел набрать физическую форму после операции. Хотя он не подвергался тяжелым формам воздействия, ему легче будет... Скажи ему сам, чтобы не расстраивался и не расслаблялся. Хотя он вроде бы непьющий...

– Понял, товарищ генерал. Пьющих у нас нет и быть не может. Когда начнем занятия?

– Сейчас чем заняты?

– Занятия согласно расписанию. В настоящий момент группа находится в классе психологической подготовки. Старогоров в медсанчасти.

– Сразу после обеда меняй расписание занятий. Я приглашу специалиста. Тренажер для вас уже должны привезти, сейчас монтируют...

* * *

По дороге к своему кабинету Кирпичников, как и обещал генералу, позвонил сыну. Тот разговаривал с придыханием; сообщил, что вместе с группой солдат совершает учебный марш-бросок с полной выкладкой. Что это такое, отец хорошо знал. Полная выкладка имеет вес в пять десятков килограммов, и ровно дышать во время марш-броска, а тем более разговаривать при этом, сохраняя дыхание в невозмущенном состоянии, невозможно.

– Не буду мешать. Я коротко. Интерпол дал данные по стволу, из которого в тебя стреляли. Из этой винтовки был убит сначала кандидат в сенаторы в США, потом какой-то заместитель министра в Венесуэле. По выстрелу в меня пока данных нет. Будь осторожен.

– Понял. Стараюсь, хотя постоянно находиться под землей не могу. Передо мной поставлена другая задача.

– Хорошо. Продолжай выполнение задачи. Будет время, позвони. Я на службе.

Этого разговора должно было хватить, чтобы проверить, прослушиваются ли телефоны Кирпичниковых.

В кабинете полковник застал Старогорова.

– Что сказали в медсанчасти?

Станислав Юрьевич посмотрел на часы.

– Через тридцать шесть минут будут меня оперировать. Следовательно, я должен прибыть к ним минут через пятнадцать. На занятия не пошел, чтобы не отвлекать группу. Дожидаюсь...

Майор выглядел грустным.

– Когда в строй вернешься, что говорят?

– Через час после операции. С ограниченной функциональностью, естественно.

– Период восстановления?

Старогоров с надеждой поднял взгляд.

– Индивидуально.

– Ну, ты у нас парень крепкий. Не перегружай себя, конечно, но постарайся.

– В смысле, товарищ полковник?

– Постарайся быстрее вернуться в строй. Боевая операция на носу.

– Вы же говорили, что я к этой операции не буду допущен...

– Мы посоветовались с генералом и решили, что не имеем возможности разбрасываться людьми. Будешь участвовать, если здоровье позволит.

Старогоров радостно вскочил.

– Здоровье позволит, товарищ полковник! Операцию будут делать лазерным скальпелем.

Тамара Васильевна передала оборудование Департамента «У» в нашу медсанчасть, с нас же никто не спрашивал возврата. Если спросят, нетрудно будет забрать.

– Вообще-то профессор Огурцов предупреждал меня, что оборудование следует сдать, но это касалось, как я понял, микрочипов. Про скальпель речь не заходила, как и про «газовые баллончики». Они нам сгодятся, я думаю. И вообще, это расходный материал, списывается без проблем.

– Сгодятся, – согласился Старогоров.

Разговор прервался звонком Геннадия.

– Что, марш-бросок уже закончился? – спросил Кирпичников-старший, не слыша тяжелого дыхания, свойственного бегу с нагрузкой.

– Никак нет, товарищ полковник, – ответил Кирпичников-младший. – Пятнадцатиминутный отдых перед возвращением. Имею возможность поговорить.

– Возвращайся другим маршрутом.

– Это естественно.

– Про командира минометного дивизиона никаких данных? Как его, кстати, зовут?

– Старший лейтенант Савельев. Там свидетели были, две женщины. Но они далеко стояли. Видели, что убийца сначала зашел в магазин следом за Савельевым, потом вышел за ним. И сразу ударил со спины. Продавщица говорит, что никакого скандала в магазине не было. Убийца и жертва между собой не общались и, судя по всему, были незнакомы. По крайней мере, Савельев не показал, что знает своего убийцу. Высокий сухощавый мужчина славянской внешности, носит слегка рыжеватые усы. Маленькие глаза посажены близко к переносице. Говорит с легким акцентом, похожим на прибалтийский. Продавщица тоже русская, в местных делах завязана быть не должна, и ей не было смысла скрывать, если бы убийцей был дагестанец. Следствие не исключает, что и человек славянской внешности, и прибалт мог быть ваххабитом и мстить за уничтожение банды Абдулмуслима Газалиева. Но ваххабиты, как говорит следователь, особенно лица кавказской национальности, как правило, не наносят молча удар в спину. Они хотя бы что-то сказали, чтобы все знали причину. Здесь же отчетливо прослеживается рациональное убийство: просто убрать человека с определенной целью и не оставить следов, кроме ножа в спине. К тому же, по данным антитеррористического комитета, у Абдулмуслима Газалиева не было в банде лиц некавказской внешности. С места преступления убийца скрылся на стареньких «Жигулях» темно-серого цвета. Марку женщины назвать не могли, не разбираются. Но следствие докопалось. Один из местных жителей, обладатель такой машины, утверждает, что кто-то брал его «Пепелац», поездил и поставил на место. Когда хозяин сел за руль, в машине было тепло, и двигатель был теплым. А он отсутствовал более четырех часов. По нынешней погоде машина должна была бы остыть.

– Я не понял термина, – сказал полковник. – Что такое рациональное убийство? Это новая терминология следаков?

– Я в следственной терминологии сам плаваю, – признался Геннадий. – Но так мне сказал следователь. Рациональное, как я понимаю, противоположно демонстративному, каким должно было бы стать убийство из-за мести. Убийца работал не на публику, никого не запугивал – просто сделал свое дело и скрылся. Из этого делаем вывод, что это было убийство или на заказ, или с какой-то целью, непонятной следствию. Когда мотив неизвестен, следствие всегда в тупике. Обычная ситуация. Но все было сделано предельно хладнокровно, и, если для убийства с помощью ножа подходит такой термин, профессионально. По крайней мере, клинок был всажен в спину по самую рукоятку, а это требует определенной физической силы и резкости удара. Сам нож обыкновенный, какие в киосках продаются. Вроде бы и холодное оружие, и не совсем. Отпечатков пальцев практически никаких. Есть затертый отпечаток на лезвии, но с него мало что можно вытянуть. Следователь донес мнение эксперта – это якобы вообще отпечаток женского пальца. Может быть, убийца купил нож только накануне убийства, и это отпечаток продавщицы. Данную версию сейчас отрабатывают, и точки продажи ножей обследуют менты. Но продавца найти трудно – отпечаток пальца с трудом поддается идентификации. Хотя что-то там выделяют – какие-то характерные папиллярные линии, говорят, есть и шрам, заметный на пальце... Если найдут в точках продажи похожий нож, будут искать дальше. Покупателя могли и запомнить, хотя надежды на это мало. Но для ментов и это соломинка.

– Ладно, сынок. Будут данные, сообщай.

– Обязательно, папа. Относительно выстрела в тебя версия есть? Это может быть снова «Зет»? Или кто-то еще?

– Может. А может, и нет. Я вообще опасаюсь, что дело связано с твоим первым звонком после моего возвращения. Тему разговора помнишь? О цели моего приезда... Касается, кстати, и старшего лейтенанта Савельева.

– Помню. Но следователю я эту версию не высказывал. Как и про «Зет» ничего не говорил.

– Это правильно. Если обнаружится что-то серьезное, есть люди, имеющие соответственный допуск, которые возьмутся за дело с нужной стороны.

* * *

Версия о мести со стороны оставшихся в живых сторонников Абдулмуслима Газалиева стала прозрачной даже с точки зрения следственных органов, которым она была бы наиболее удобна. Расследование же, как показывает практика, всегда старается идти по самой удобной версии, как по асфальтированной дорожке, где споткнуться может разве что пьяный. А следствие в регионе Северного Кавказа в последнее время обладает еще одним свойством. Направившись по удобной версии, оно потом называет случайно убитого бандита главным обвиняемым, таким образом, благополучно закрывая дело. Полковник Кирпичников многократно сталкивался с такими фокусами еще в бытность свою офицером спецназа ГРУ. Точно так же действовал в кавказских республиках и Антитеррористический комитет, объявляя закрытым дело о теракте, совершенном где-нибудь в Центральной России, после того, как уничтожат какую-то банду, может быть, к конкретному теракту и отношения не имеющую. Все это следственные органы называют житейским делом. А как же иначе! Им тоже нужно получать очередные звания, потому и дела закрывают так легко.

В общем, стоило сосредоточиться на двух оставшихся версиях, особенно на последней, потому что во вторую не вписывалась гибель старшего лейтенанта Савельева. А именно она могла бы стать определяющим моментом. Хотя списывать со счетов вариант случайности тоже было нельзя, и версию с участием Департамента «Z» тоже стоило рассматривать внимательно и тщательно.

Желая доложить генералу результат разговора с сыном, полковник набрал номер внутреннего телефона.

– Я срочно уезжаю к руководству, – сказал генерал, – на разговор по второму нашему варианту. Хотя я сам все больше склоняюсь к третьему. Ваши с Геннадием телефоны стоят на «прослушке» со спутника. Его принадлежность определить невозможно; вероятнее всего, американский или евросоюзовский. Последние тоже любопытные ребята, но вообще-то Евросоюзу здесь делать нечего. И еще есть кое-какие соображения. Как только вернусь, я тебя вызову.

– Понял, товарищ генерал. Буду готов.

– Вернусь, скорее всего, до обеда, занятия по новой теме еще не начнутся. Если задержусь, Иван Иванович Иванов введет вас в курс дела. Нам с проверкой тянуть нельзя; значит, я постараюсь использовать любую возможность. Здесь уж со временем считаться не приходится.

Конечно, проверять вторую версию было необходимо, чтобы отвести лишние подозрения и сконцентрироваться на чем-то одном. И если генерал имел возможность проверить второй вариант хотя бы частично – на предмет наличия винтовки «Барретт» у Департамента «Z», – то сделать это следовало. Естественно, должна быть произведена и остальная проверка, но к ней еще следует искать пути, а это не делается с наскока.

Группа к этому времени как раз закончила занятия и собралась в кабинете. Кирпичников кивнул подполковнику Валееву на стул у своего стола.

– Нужна твоя консультация, Бахтияр Ахматович.

– По поводу снайпера?

– Да. Или двух снайперов. По поводу двух выстрелов в Дагестане и в Москве.

– А в Дагестане что? – спросил полковник Денисенко, который, как и все остальные, был не в курсе тамошних событий.

– Там стреляли в моего сына. Пуля задела щетину на щеке. Стреляли тоже через оконное стекло, дистанция чуть меньше двух километров. Причем, по данным баллистической экспертизы, которой достались и пуля, и гильза, ствол проходит по картотеке Интерпола по двум эпизодам: убийства кандидата в сенаторы в США и заместителя министра в Венесуэле. По выстрелу в меня данных экспертизы пока нет; но выстрел производился примерно с такой же дистанции, если не большей.

– Есть винтовки, которые стреляют и с большей дистанции, – сказал Бахтияр Ахматович. – Американская «Мак-Миллан ТАС-50» вообще считается рекордсменом по дальности попаданий. Из нее какой-то канадский капрал в две тысячи третьем году в Афгане застрелил полевого командира «духов» аж с двух с половиной километров. Но для больших расстояний в последнее время чуть ли не обязательным условием является наличие пули из хромо-молибденового сплава. Такие пули и для более скромной дистанции хороши, а для дальней почти обязательны. Честно говоря, я с такими ни разу не встречался, хотя наша промышленность выпускает их под чей-то заказ. На экспорт гонят. Кажется, куда-то в арабские страны. В наших винтовках они не применяются. Сами же наши стволы не тянут на данный уровень. Слышал, что такие патроны делают для «Выхлопа»⁶, но, возможно, это только слухи. Я и с «Выхлопом»-то ни разу «глаза в глаза» не встречался. Но, в принципе, дело не в нем. Многие КСВ, если не сказать большинство, могут стрелять на расстояние, близкое к двум километрам. Был бы соответствующий прицел и, естественно, глаз.

– Если человек берется стрелять с такого расстояния, – напрямую спросил Кирпичников, – это как-то его характеризует?

⁶ «Выхлоп» – бесшумная крупнокалиберная снайперская винтовка, разработана в ЦКИБ СОО (Центральное КБ спортивного и охотничьего оружия, Тула, филиал КБ Приборостроения) в 2002 году по особому заказу Центра специального назначения (ЦСН) ФСБ России. Винтовка (точнее – снайперский комплекс ВССК «Выхлоп») впервые была открыто продемонстрирована осенью 2005 года на выставке «Интерполитех» в Москве. Насколько известно, комплекс «Выхлоп» выпущен в небольшом количестве и состоит на вооружении только подразделений ЦСН ФСБ России.

– Только как специалиста высокого уровня, классного снайпера. Выстрелить сможет любой снайпер, а вот попасть с такой дистанции – далеко не каждый. Посмотреть бы на его винтовку...

– Он ее не бросил.

– Надо полагать. Вещь не дешевая, а для профессионала вообще предмет любви и гордости. Но сама дистанция выстрела уже позволяет почти безопасно удалиться с винтовкой. Сделать для нее упаковку несложно, и никто не поймет, что в ней.

– Утешить ты меня ничем не утешил, – вздохнул полковник. – Я прятаться не люблю, а придется... Но хотя бы скажи, как часто можно встретить специалиста с КСВ? Специалиста такого уровня, чтобы он с двух километров любил стрелять...

– Извини, командир, но я статистикой не интересуюсь. Знать бы, где снайпер будет тебя поджидать... Я бы сам его подождал, со своим «Барреттом». А так... Спроси генерала, он все знает.

– Генерал сам ищет, у кого бы спросить.

– Пока могу дать только деловой совет профессионала. Если первый выстрел был неудачным, в ожидании второго отпрыгивать в сторону можно без спешки. «Дальнобойка» не обладает высокой скорострельностью. Кроме того, пороховые газы всегда бьют в лицо; приходится и жмуриться, и чихать, если умудрился вдохнуть... – Валеев усмехнулся. – Только не ругай меня, командир, если в следующий раз в тебя будут стрелять не из «дальнобойки», а из простой снайперской винтовки, возможно, с глушителем. Ты затормозишься по моему совету, а второй выстрел – вот он... И вообще, я чувствую, что любой совет в этой ситуации будет дурацким. Действуй по обстановке и не обращай внимания на мои слова...

2

– Должен тебя расстроить, как и сам расстроился, – сказал Виктор Евгеньевич, едва Кирпичников вошел в его кабинет сразу после вызова. – У Департамента «Z» не только не было КСВ в табельном арсенале, но даже не значилось снайпера в штатном расписании. У нас, кстати, тоже не значилось, пока ты Валеева не привлек. Правда, пока особая необходимость в нем не возникала, а все моменты, когда его использовали, вполне можно было провести и иными методами...

– На этот вопрос можно смотреть с разных сторон, – не согласился полковник. – Всегда может случиться, что снайпер окажется крайне необходим. Особенно такой, как Бахтияр Ахматович. И лучше иметь своего человека, чем привлекать кого-то со стороны.

– Я разве возражаю...

– Да и в прошлой операции без снайпера нам пришлось бы придумывать что-то намного более сложное и, возможно, не такое эффективное, как выстрел профессионала. Сложные ходы всегда чреватые возможностью ошибки, а времени на полный просчет ситуации и разработку альтернативных мер у нас не было. Действовать пришлось, что называется, «с колес»... Вы, товарищ генерал, начали с того, что хотели меня расстроить. Чем?

– Тем, что «Зет», возможно, ни при чем. А это значит, что сработала, скорее всего, третья версия, которая несет угрозу всей нашей операции. Первую я по размышлению вообще отодвинул на самый дальний план. В итоге полностью рабочей и достойной повышенного внимания остается только третья. И это мне не нравится.

– Мне тоже, хотя сути операции я еще не знаю, лишь начальные звенья...

– Все объясню позже. Сейчас следует разобраться с принципиальной возможностью проведения этой операции. Мне еще и следователь звонил. Первые данные по экспертизе говорят, что следы ствола на пулях очень похожи. Идентификацию пока не проводили, только после обеда будут. Но и без этого можно предположить, что стреляли если не из одного ствола, то из

оружия одного производителя и даже, возможно, одной марки. Это мнение эксперта, выданное, что называется, «на глаз». Но эксперты в ФСБ опытные, положиться на них можно. Если будет положительная идентификация, значит, у нас появится след, и следствие начнет проверять всех, кто имел возможность прилететь из Дагестана в Москву за те несколько часов. Причем не просто прилететь, а еще и винтовку провезти. А это ведь такая штука, которую не сдашь в багаж. В основном у КСВ длина около полутора метров, и спрятать такую штуку трудно. Разве что среди другого металла. Потому следакам будет необходимо проконтролировать все грузовые и ведомственные рейсы, а равно и те, что не подлежат обычному досмотру. Работа как раз для них. Они уже, насколько мне известно, подготовили данные для запроса по всем разрешенным перелетам. Это тоже непростое дело. Ждут, когда будут идентифицированы стволы. Может быть, уже получили результаты экспертизы. И запрос отправят сразу же, по горячим следам, пока никто еще не убит. Когда получат, я буду иметь возможность посмотреть на список. Большим он быть не может, это тебе не крупная международная авиалиния. Но, если там будет то, чего я ожидаю, в дело включится контрразведка.

– Чего вы ожидаете, товарищ генерал?

– Я исхожу из того, что в нашей стране нет заинтересованных сильных групп лиц, которые ставят себе цель помешать проведению нашей операции. Ну, может быть кто-то из осведомленных лиц в правительстве, но этот «кто-то» в данной ситуации может выступать только как информатор. Работать против нас должны иностранцы. Именно этого я и ожидаю. Конечно об этом же говорят и данные Интерпола. Задействован какой-то крупный международный киллер; возможно, это даже профессиональный ликвидатор одной из спецслужб большой страны с сильной разведкой. Скорее всего, представитель США, кадровый офицер ЦРУ. Есть намеки на это, есть и пересечение интересов американских производителей оружия и «Рособоронэкспорта». Ты в любом случае должен быть в курсе, поскольку это составная часть нашей операции. Поэтому слушай внимательно и вникай в смысл того, что свалится на твои плечи...

– Я готов, товарищ генерал.

– Наш прицел для миномета «Поднос» может быть установлен с некоторой коррекцией на любой миномет отечественного производства, а также на некоторые зарубежные аналоги. Практически одновременно с российскими оборонщиками точно такой же прицел на базе навигатора, только работающего в формате GPS, а не ГЛОНАСС, и, понятно, не автомобильного, а специального, разработали американские оружейники. Сейчас американские минометы с прицелом-навигатором проходят испытания в Афганистане⁷. Наши, как тебе известно, испытывались и испытываются на Северном Кавказе. Следовательно, испытания полновесные, в боевых условиях. Причем доподлинно известно, что обе стороны хорошо осведомлены о разработках противной стороны. В том смысле, что знают об испытаниях, но не знакомы с технической стороной, а это очень интересно. И американцы, и наши уже практически готовы к серийному выпуску таких прицелов, хотя и там, и здесь есть определенные недоработки. Но главный вопрос стоит даже не в этом. Через несколько месяцев в Абу-Даби откроется Всемирная выставка вооружений. По традиции на этой выставке подписываются многолетние контракты на многие миллиарды долларов. Американцы, как нам известно из источников Службы внешней разведки, представят на выставке свой миномет, «Рособоронэкспорт» представит наш. При этом мы знаем, что американский вариант чуть точнее бьет по движущимся мишеням, но не знаем, за счет чего. Цель твоей командировки в Афганистан – разумеется, при поддержке всей группы и, возможно, ограниченного по численности подразделения спецназа ГРУ – раздобыть сведения об американских минометах и даже доставить в Россию образцы если не самого миномета, то хотя бы прицела. Я не думаю, что следует тащить с собой само орудие. Это двадцатимиллиметровая махина, тяжелая штука. Наверное, достаточно будет

⁷ Действительный факт. Испытания проходят 120-миллиметровые минометы.

только прицела – ну, и всего сопутствующего испытаниям. Хорошо бы добыть документацию – и по технике, и по ходу испытаний.

– Хорошенькая задача, – покачал головой Кирпичников. – Моя маленькая локальная война против НАТО... Впрочем, возражений я не имею. Мне все равно, кого побеждать.

– НАТО не так страшен, как его малюют. Основу Альянса все равно составляют американцы, а с ними ты в Венесуэле справился неплохо. Причем справился не с простыми «зелеными беретками», а с настоящим элитным подразделением спецназа ЦРУ, причем ограниченным численным составом.

– Опять, кстати, с помощью снайпера. А вы, товарищ генерал, говорите, что снайпер у нас с боку припека... Он незаменим. Да еще такой, как Валеев, да еще с такой винтовкой, как у него, да еще с тепловизорным прицелом...

– Я разве возражал? – пожал плечами Апраксин. – Нужен снайпер – пусть будет. Надеюсь, и в настоящей операции, если она все же состоится, подполковник Валеев будет так же хорош и сможет помочь тебе выполнить боевую задачу. Стреляет он, я слышал, действительно неплохо...

– В комара попадет. Попадал... Было дело.

– В комара?

– Так точно, товарищ генерал. Причем без оптики! Просто выстрелом из штатного автомата. Комаров и мух бил. Естественно, не влет.

– Информация к размышлению. К данной операции отношения не имеет, но американские специалисты по нанотехнологиям занимаются разработкой электронного комара-убийцы. Электронный комар – это обыкновенный микроскопический робот, но он является носителем ампулы со смертельным ядом. По расчетам, укус пары таких комаров будет смертелен для человека. Удобное оружие для уничтожения живой силы противника, и все материальные ценности при этом остаются в целостности. Выгодно. Есть танки, а нет танкистов, к примеру. По мере выработки двигательного и полетного ресурса стаи комаров можно спокойно захватывать очищенную от людей территорию. Но комар-робот на выставке вооружений в Абу-Даби представлен не будет. Это секретная разработка, и его, скорее всего, следует отнести к оружию массового поражения, поскольку комар на сможет сделать выбор между военным человеком и штатским. Может быть, его будут испытывать в том же Афганистане, но не одновременно с присутствием там твоей группы. Пока у американцев другая задача – снизить себестоимость производства этих комаров. Они еще слишком дороги для серийного производства, и нас пока не должны интересовать. По крайней мере, такую задачу нам не ставили. А вот американские прицелы – должны...

– Значит, наши желают забрать у американцев их традиционный рынок сбыта оружия? Арабские страны, за редким исключением, уже давно вооружаются американцами.

– Желают кое-что забрать или хотя бы найти щель, в которую можно вклиниться. Это ты верно подметил. Но забрать рынок вооружений на данный момент невозможно. Там работает политика. На прошлой выставке в том же Абу-Даби наш танк Т-90 на голову превзошел по всем показателям представленные другими странами аналоги – и в передвижении, и в стрельбе, и в стоимости. Но арабы предпочли наш танк не покупать. Политическая интрига сработала. Есть и еще целый ряд важных аспектов. И вообще... Уровень капиталовложений в военную промышленность у нас не тот, чтобы стать полностью конкурентоспособными. Задача нынешнего момента – обеспечить подписание контракта по минометам с навигаторными прицелами. Нашей военной промышленности это даст громадный толчок, создаст многие сотни и тысячи рабочих мест, принесет в казну большой доход. Но на твои плечи ложится задача несравненно более широкая, и от твоего умения вести дело – в данном случае, военное – будет зависеть перспектива нескольких ближайших десятилетий. Нужно вклиниться в арабский сегмент рынка, задача ставится именно такая. После неудачи с продажей танков начата, так сказать, артилле-

рийская подготовка к выставке. Политическая подготовка, я имею в виду. А ты должен обеспечить военную составляющую.

– Наши оружейники хотят заполнить весь мир минометами с навигаторами?

– Дались тебе эти минометы... Оно, конечно, дело хорошее и нужное, но на них заикаться не стоит. Я же говорю тебе, что вопрос ставится гораздо шире. Россия вложила гигантские средства в разработку и выведение в космос спутников системы ГЛОНАСС. Если на ней будет работать только одна Россия, система окупится неизвестно когда, если вообще окупится. Сейчас практически весь мир работает в системе GPS. И даже Россия, имея свою спутниковую систему, на бытовом уровне предпочитает GPS. Это и проверено, и приемники существуют в большом количестве, в широком ассортименте, на любой вкус и кошелек. Но уже и европейцы готовят собственную систему, и китайцы, кажется, седьмой или восьмой спутник системы «Бэйдоу» запустили... Если с европейцами проблем пока нет, и неизвестно, когда они полностью включатся и будут готовы раскошелиться, то с китайцами борьба за приоритет развернется сильная. Они будут везде лезть и просачиваться, как песок между пальцами. Это их национальная система адаптации в большом мире. Китайцы пока еще далеки от того, чтобы охватить своими спутниками всю Землю, но пространство над Юго-Восточной Азией они уже контролируют. И, пока наши соседки не набрали силу в космосе, нам следует твердо встать на ноги. Тем более что момент сейчас благоприятный. Неизвестно, когда еще такой может подвернуться. Короче говоря, ситуация следующая. Еще года полтора назад НАСА затребовало у сената дополнительное финансирование на обновление спутников системы GPS. Но сенат пока денег не дал – финансовый кризис помешал. А у американцев этот кризис сейчас грозит превратиться в длительные финансовые трудности. Но спутники, как известно, не вечны; уже к две тысячи пятнадцатому году выйдет из строя сразу несколько аппаратов, которые могут разрушить все взаимодействие системы, и ее целостность нарушится. И это американскому космическому агентству не удалось удержать в тайне. Наша Служба внешней разведки сейчас плотно занята сбором всей возможной информации по этому вопросу. Проводятся опросы международных экспертов, которые готовятся к опубликованию перед выставкой в Абу-Даби. Да и без того о грядущих трудностях GPS знают уже во многих странах. И все военное оборудование, так или иначе связанное с этой системой, уже продается с трудом. Это касается и самолетов, и вертолетов, и морских судов – и, естественно, должно коснуться минометов. То есть, обеспечивая наших оружейников добытыми в Афганистане данными, ты со своей группой способствуешь принятию арабским миром системы ГЛОНАСС взамен системы GPS. Первые шаги к этому у нас уже сделаны, и с ГЛОНАСС согласен работать Иран. Последнему, сам понимаешь, трудно рассчитывать на использование GPS в силу целого ряда неразрешимых противоречий между ним и США. Китайцы предоставить им свои услуги пока не в состоянии. А Россия готова полностью. В ответ на встречные, конечно, услуги.... Догадываешься, какого плана?

– Какого плана, товарищ генерал? У меня вообще мало данных по Ирану.

– Иранская разведгруппа из числа «Стражей исламской революции» будет вместе с тобой принимать участие в операции против американцев в Афганистане. У них там есть наработанные связи с противниками официальной афганской власти. И все это просто нельзя не использовать, хотя сотрудничать с ними надо очень аккуратно. Ты понимаешь, что представляют собой «Стражи исламской революции»?

– Спецслужба, состоящая из фанатиков.

– Не просто из фанатиков, а из яростных фанатиков-спецназовцев. Это что-то похожее на католическую инквизицию в Средние века, помноженное на обучение владению оружием и всеми современными технологиями. Как правило, это очень грамотные, даже талантливые люди, с высшим техническим образованием, полученным в лучших университетах Старого Света и США. Там не знали, кого готовили, но подготовили хорошо. В дополнение их еще натаскивали в специальных исламских разведшколах. Именно в исламских...

– Меня вот что смущает... Иранцы в союзе с талибами? – переспросил Кирпичников. – Они не перебьют друг друга в самый критический момент? Религиозные противоречия между шиитами и суннитами вызывают вражду более сильную, чем в целом между мусульманами и христианами. Они считают друг друга предателями веры, а предатели всегда хуже, чем враги.

– Не всегда. Когда враг очень опасен, можно и союз заключить. В самом Иране тоже есть сунниты, хотя их меньшинство. В данном случае враг у них один, и слишком сильный, чтобы не объединяться против него. В Иране понимают, что если американцы вместе с НАТО прочно устроятся в Афганистане, то это будет прямая угроза именно Ирану. Возможно, вся эта афганская авантюра и затевалась ради того, чтобы иметь возможность выставить вооруженные силы на иранской границе. Американцы пытались с той же целью, только иными методами, «наехать» на Азербайджан, но основное количество азербайджанцев мира живет не на родине, а в Иране. Они имеют большое влияние на северного соседа. И у американцев с Азербайджаном получился полный облом. Правда, там есть еще Грузия, но она, во-первых, хотя и находится близко, не имеет с Ираном общей границы, а во-вторых, слишком сильно зависит от поставок иранских газа и нефти, чтобы позволить американцам расположить на своих границах войска. Даже при всей силе влияния американцев на Грузию эту проблему решить одним махом невозможно. Но Иран тоже не спит и помогает талибам, несмотря на религиозные противоречия. Хотя, по большому счету, систему афганского сопротивления НАТО нельзя назвать талибской. Там много разных течений, и все они воюют. Теперь все дело сводится к тому, чтобы был готов ты со своей группой.

– Я, товарищ генерал, готов хоть сегодня отправиться на испытания минометов.

– Сначала поучись работать с прицелами. И только потом полетишь на испытания.

– И учиться я готов.

– Ну, и отлично...

* * *

Начинали с простейшего и самого примитивного. Пользоваться артиллерийской буссолью обязан уметь любой грамотный офицер, даже если он не носит знаки различия артиллериста. По крайней мере, это обязан уметь делать офицер спецназа, потому что он никогда не знает, когда и с каким оружием ему придется иметь дело, и потому изучает все возможные виды вооружений. Офицеров отдельных мобильных офицерских групп обучали даже минимальному умению летать на вертолете и простейшем спортивном самолете. Подполковник Вельчанинов однажды жаловался Кирпичникову, тогда еще тоже подполковнику, что его насильно заставляют «подружиться» с вертолетом. Видимо, предстояла операция, где, возможно, такие навыки должны были – или могли – понадобиться. У Василия Юрьевича все получалось прекрасно: и взлет, и полет, но вот посадить вертолет не на тренажере, а в действительности он научиться никак не мог, и после нескольких раз, когда машина чуть не разбилась, инструктор просто отстранил Вельчанинова от дальнейших попыток и стал «натаскивать» другого офицера группы.

При работе с артиллерийской буссолью также нужны были определенные качества, даже в условиях тренажера. Кирпичников показывал средний результат. Отличные показатели стабильно выдавала только майор Ставрова, хотя настоящий миномет видела лишь однажды и издали, и не слишком хорошо понимала, что это такое. Впрочем, навыки работы с простым минометом приобретались только для того, чтобы знать, как применить новый прицел-навигатор. От буссоли перешли к занятиям с оптическим прицелом. Тренажер заменял стандартный, устанавливаемый на многие минометы прицел МПМ-44М. Здесь уже Тамара Васильевна не могла так легко освоиться. Для нее «темным лесом» были понятия угломерного механизма и механизма углов возвышения со шкалами грубого и точного отсчетов. Впрочем, с помо-

щью подсказок Ставрова быстро научилась совмещать два уровня горизонтирования прицела и один уровень вертикальной наводки. Здесь операции отдаленно напоминали управление «беспилотником», а там майор Ставрова справлялась с делом лучше всех в группе. А вот когда к минометному прицелу подключили коллиматор, Тамара Васильевна никак не могла с ним справиться, потому что считала, что при взгляде в любой прицел следует прищуривать один глаз. А коллиматор частично для того и ставится, чтобы умудриться одним глазом смотреть в прицел, а вторым – контролировать окружающее. Майор путалась и смешила своими действиями других офицеров группы. Но все остальные с делом справлялись легко, даже Старогоров, операцию которому перенесли на вечернее время. Пограничник с минометами дела никогда не имел; тем не менее осваивался быстро. Впрочем, у бывших спецназовцев дело шло еще быстрее, потому что для них минометные прицелы были не в новинку. И только после этого, когда базовые операции оказались освоенными, представитель разработчика, выступавший в роли инструктора, поправив на носу очки с сильными линзами, увеличивающими всегда удивленно смотрящие глаза, и подключил к тренажеру дополнительный прибор, пригласив Кирпичникова первым посмотреть в окуляр оптического прицела. Владимир Алексеевич посмотрел – и увидел то, что и ожидал. Прицельная сетка легла на подробную топографическую карту, давая возможность предельно точно определять место попадания мины. Оставалось только освоить слепую работу на руках горизонтального и вертикального совмещения и выравнивания. Но этот процесс был только делом практики, чем бойцы и занялись. С навигатором все без исключения офицеры группы показали вполне сносный результат виртуальной стрельбы.

– Ну что же, – заключил инструктор, – первоначальные навыки я вам дал. Думаю, трех дней занятий на тренажерах вам хватит на то, чтобы освоиться с прицелом. Это без меня. Мне вам больше показывать нечего, а контролировать себя вы и сами умеете. Мне лично такую задачу никто не ставил. Потому прошу проявить ответственность и подойти к делу серьезно. Три дня занятий... После этого все вместе поедem на полигон. Руководить учебными стрельбами буду тоже я вместе с офицером-специалистом. А потом уже будут испытания в боевых условиях. Надеюсь, уже без меня.

– Три дня нам хватит, – согласился Кирпичников. – Только через три дня наступят два выходных дня. Учебные стрельбы могут состояться в выходные дни?

– Вас это смущает? – спросил инструктор.

– Нет, не смущает, – ответил Владимир Алексеевич. – Я сказал это только для того, чтобы напомнить вам. У нас служба. Это у вас, наверное, рабочая неделя и выходные, а мы с этим не считаемся.

– У нас – не знаю уж, к счастью или к сожалению, – тоже...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Вечером полковника Кирпичникова доставляли домой под прикрытием двух охранников и двух спецназовцев. Причем подполковник Лукошкин, прежде, чем выпустить командира из микроавтобуса, сам прошел по всему двору, осматривая чердачные окна. И только потом Кирпичникова проводили до дверей. Но, едва Владимир Алексеевич остался один, как ему позвонил на городской номер генерал Апраксин.

– Ставь чай, Владимир Алексеевич. Сейчас заеду, если не возражаешь.

– Не возражаю, товарищ генерал.

– Сыну не звонил?

– Не успел еще. Только намеревался.

– Не звони пока. Привезу данные, ты ему передашь. Если капитан позвонит сам, извинись, скажи, что занят и перезвонишь через полчаса.

– Начинаем «играть»? – понял Кирпичников.

Игры с противником вести он был обучен и прекрасно понимал, что выданная дезинформация бывает иногда важнее добытой информации.

– Попробуем выдать некий новый гамбит. С жертвой сильной фигуры, но фигуры противника. Эта жертва... Ладно, приеду, расскажу. Твой городской номер пока не прослушивается, но взять его на контроль мы не можем без санкции суда. Имеем право только определять, есть ли прослушивание линии. Да и это, грубо говоря, побоку. Сейчас «прослушку» можно определить только потому, что я звоню с трубки, которая сама под контролем. Значит, особо не расслабляйся и лишнего не говори. Я привезу тебе новую sim-карту, с нее будешь разговаривать свободно. Подумай, каким образом намекнуть Геннадию поступить так же, чтобы вы с ним могли общаться без «прослушки».

– Это просто, товарищ генерал. Вельчанинов... Через него передам. Он базируется в городке спецназа. Зайти к Геннадию – дело двух минут.

– Дело, – согласился Апраксин. – Жди, я уже недалеко.

Генерал приехал через двадцать минут. За это время Кирпичников успел заклеить скотчем дыры в стекле, а потом с городского номера дозвониться до своего старого товарища по службе, командира отдельной мобильной офицерской группы спецназа ГРУ подполковника Вельчанинова. Попросил того найти Геннадию и сказать ему о необходимости покупки новой sim-карты, желательно на чужое имя, вплоть до имени кого-то из простых солдат-срочников; но с нового номера пока отцу не звонить. Вельчанинов вызвался все сделать и пообещал сам позвонить на квартирный телефон полковника, чтобы сообщить новый номер Кирпичникова-младшего. Но до приезда генерал-лейтенанта Апраксина не успел. Видимо, быстро найти новую «симку» в окрестностях городка спецназа было сложно; для этого требовалось ехать в город, где салоны связи работают допоздна. Оставалось ждать.

– Вечером по Москве ездить еще хуже, чем днем, – оправдываясь, сказал Виктор Евгеньевич, шагая через порог. – Вечером, похоже, выезжают даже те, кто днем предпочитает пользоваться метро... Еле добрался. Ползком. Извини, Владимир Алексеевич, за задержку, но своим ходом я передвигаться уже давно, к сожалению, отвык. Меня сильно нервирует, когда приходится прижиматься к кому-то плечом в вагоне. Очень некомфортно чувствую себя в общественном транспорте.

– Сам иногда ездю; знаю, товарищ генерал, московские дороги, – согласно кивнул полковник, шагая в сторону и давая возможность Виктору Евгеньевичу пройти в квартиру.

Апраксин разделся, разулся и сразу прошел на кухню. Разговор начал еще до того, как хозяин успел разлить чай по чашкам.

– Информация у меня самая неприятная. Наши с тобой опасения подтвердились: события развиваются по третьему варианту.

– На мой вкус, товарищ генерал, второй вариант хуже. Лично для меня хуже, потому что там приходилось действовать против своих же, против, в какой-то мере, государственной власти, и не всегда удавалось почувствовать грань, переходить за которую было не дозволено. У меня уже, признаюсь, были мысли о том, чтобы с отдельными бывшими сослуживцами посетить базу Департамента «Z» и поискать там доказательства. Полковник Денисенко вполне мог бы помочь мне полностью уничтожить всю эту базу вместе с документацией и всем оборудованием.

– Вот это делать я тебе не советовал бы. Там тоже серьезные ребята служат.

– Служат или служили? Я так и не понял, товарищ генерал, прекратил «Зет» свое существование или еще функционирует?

– Мне полной информации не дают. Чинном, видимо, не вышел... Но у меня складывается мнение, что их просто переименовали, перевели в другой статус, но расформировывать не стали. У нас сейчас только войска расформировывают – а такие конторы, как «Зет» и «Игрек», в какой-то мере выполняющие полицейские функции или работающие на это, расширяют и усиливают – и материально, и в правовом отношении. Я, конечно, приложу усилия, чтобы нам с ними в дальнейшем никак не контактировать; тем не менее гарантий никаких дать не могу, поскольку не являюсь хозяином положения. И потому считаю худшим для нас вариантом тот, при котором нам сейчас предстоит работать. ЦРУ ничуть не лучше «Зета» и «Игрека», а технически и финансово намного сильнее и организованнее. Итак, что я тебе могу рассказать... Идентификация стволов подтвердила, что в отца и сына Кирпичниковых стреляли из одной и той же винтовки. При этом, скорее всего, один и тот же человек. Более того, мы имеем полное право предположить, что этот же человек виновен в гибели старшего лейтенанта Савельева, командира минометного дивизиона. Есть его внешнее описание, снятое со слов продавщицы магазина. Словесный портрет, конечно, дает мало; тем не менее возможность для опознания есть. И его опознали...

– Опознали? – переспросил полковник Кирпичников.

– Да. В дело включилась контрразведка, а они умеют работать быстро и копать глубоко. Сохранили традиции старой советской школы... И накопили. Есть один человек, который видел этого убийцу. Но я буду рассказывать по порядку. В настоящее время в Ингушетии работает некая американская строительно-монтажная фирма. Ставит по собственной технологии несколько ретрансляторов для осуществления в горах устойчивой сотовой связи. Эта технология рассчитана для районов с сильной сейсмической активностью. В Ингушетии ухватились за это не по сейсмическим показателям, а потому, что ретрансляторы, поставленные по этой технологии, очень сложно свалить взрывом. Вышки оказались не только сейсмоустойчивыми, но и, так сказать, террорустойчивыми.

– Дагестан и Ингушетия...

– Несколько часов на автомобиле. Недолго добраться. На постах сейчас нет былых тотальных проверок. Можно провезти винтовку, особенно если замаскировать ее под какое-то оборудование. Специалисты сделают это без проблем. Да и тайник в машине сделают такой, что ни один мент не подкопается, если не знает, что искать нужно именно в этой машине. Так вот, самолет этой фирмы – грузовой самолет – вылетал из аэропорта Назрани как раз в тот промежуток времени. И киллер вполне мог уложиться в два выстрела, сделанные в разных районах России. Думаю, у него обязательно были помощники, которые готовили эти покушения, искали место, откуда можно стрелять, чтобы сам он на таких мелочах не «засветился», и, возможно, осуществляли охрану в момент самого выстрела. Так вот, рабочий с топливного заправщика

аэропорта Назрани рассказал, что вылет самолета задерживался из-за какого-то пассажира. Его привезли на микроавтобусе «Форд Транзит», загрузили в самолет еще несколько каких-то ящиков, после чего самолет улетел. Пассажир внешне подходит под описание убийцы старшего лейтенанта Савельева.

– Акцент... – напомнил Владимир Алексеевич.

– Да, и об этом свидетеля тоже спрашивали. Но опоздавший пассажир разговаривал только на английском, и знание русского языка никак не выказывал. Следственное управление ФСБ смогло выяснить, что этот человек – он, кстати, официально был в списке пассажиров, – числится инженером-консультантом той самой строительно-монтажной фирмы. Зовут его Джозеф Умански. После выстрела в тебя он тем же самолетом снова вылетел в Назрань. По времени его визит на Кавказ совпадает с убийством Савельева. А потом опять вернулся в Москву. Самолет летает челноком, из чего можно предположить, что он обслуживает не фирму, а одного человека, который все рейсы был на борту. Вполне резонно при этом допустить, что вся фирма работает на ЦРУ. Специалисты ФСБ будут проверять установленные ретрансляторы, что за оборудование там устанавливают. Вполне логично допустить, что эти ретрансляторы на сотовую связь работать будут только частично, но обеспечат результатом прослушивания и радиоперехвата, скажем, самолеты АВАКС, летающие где-нибудь в Грузии или даже в Турции. В Грузии, кстати, на нашей границе стоит радиолокационная станция, якобы грузинская, но с американским оборудованием и с американскими специалистами. Все это увязывается в большую систему, в которой Умански является только переходным элементом из соседней системы. В настоящий момент он якобы находится в Москве, но готовится вылететь в США. Уже купил билет на послезавтра. Потому мы можем предположить, что за время, оставшееся до вылета, Умански предпримет еще одну попытку покушения на тебя. Возможно, уже с более короткой дистанции. Ты уж извини, но я сегодня ночью выставляю посты охраны на чердаке дома напротив, чтобы тебя не подкараулили при выходе из подъезда. В твоём доме тоже установлю посты – тоже на чердаке, и в машинах рядом с другими подъездами. И тут, и там расположу снайперов ФСБ, готовых «посадить на кол»⁸ чужого стрелка. Это, так сказать, на всякий случай. Но у меня есть небольшой план, который я уже согласовал со следствием. Мне кажется, господина Умански следует основательно припугнуть, чтобы он засуетился и «засветился». Мы не знаем, где он живет. В посольство обращаться бесполезно – не тот случай. Но у нас есть другой способ воздействия.

– «Прослушка»... – сразу понял Владимир Алексеевич. – Телефонная игра...

– Конечно. Ты должен позвонить сыну и сообщить ему, что в него и в тебя стрелял некий американский мазила и мясник по имени Джозеф Умански, который чуть позже убил старшего лейтенанта Савельева. Умански, скорее всего, является сотрудником ЦРУ, и данные на него уже переданы для розыска в Интерпол. Но до Интерпола он, скорее всего, не доберется. Его уже в России вот-вот возьмут за жабры. По крайней мере, вылететь не дадут, это точно. Хотя он уже и билет купил.

– Да, это хороший гамбит, – согласился Кирпичников. – Только нужно ли нам, чтобы господина Умански принесли в жертву? А принесут его обязательно.

– Я предполагаю, что Умански не расколется на допросах. Если расколется, ЦРУ его под землей достанет. При этом он знает, что бывает с киллерами. У нас он совершил одно убийство и два неудачных покушения; в Венесуэле и в самих Соединенных Штатах его тоже ждут неприятности... Отсидев у нас немалый срок, он будет передан сначала, скорее всего, Венесуэле; если там его не приговорят к смертной казни, то после срока передадут в США, где уж точно не выпустят до естественной смерти где-нибудь в тихой тюремной камере. ЦРУ даже не будет пытаться его вытащить, чтобы не бросить на себя тень. А сейчас, я считаю, его вообще

⁸ «Посадить на кол» – взять на прицел (из жаргона снайперов).

предпочтут убрать, понимая, что мы можем применить какой-то «развязыватель языка»⁹ и добиться показаний. Мы в этом случае теряем мало. Киллер – это не та фигура, за которой можно искать след. Ну, предположим, задержат его; предположим, назовет он какого-нибудь дядю Петю или дядю Джона, что давал ему задание. Но как этого дядю найти, он не знает, потому что те всегда сами выходили с ним на связь по мере необходимости. Это естественная интерпретация и стиль работы всех спецслужб мира. И всё. Но при этом мы ставим в опасное положение жизнь своих сотрудников. Тебя и твоих людей то есть. Не стоит игра свеч. На тебе в данном случае замыкается сложная международная операция, и рисковать твоей жизнью я смысла не вижу. Гораздо проще убрать из этой игры сотрудника ЦРУ руками самого же ЦРУ, что, скорее всего, и произойдет вскоре после твоего звонка сыну.

– Наверное, товарищ генерал, я соглашусь. По крайней мере, не могу подыскать аргументов, чтобы возразить; значит, и возражать не стоит. Мне почему-то самому больше нравится быть живым и здоровым.

– Тогда звони Геннадию.

* * *

Понял Геннадий основную составляющую разговора или не понял, точно сказать было трудно; по крайней мере, Владимиру Алексеевичу показалось, что он все уяснил. И поддержал сын только эту тему, не касаясь других. Даже про мать ничего не спросил, а это уже о многом говорило. Генерал, слушая разговор через включенный спикерфон, удовлетворенно кивал.

Едва Владимир Алексеевич убрал трубку, как зазвонил городской аппарат. Определитель женским голосом назвал номер мобильного подполковника Вельчанинова. Кирпичников посмотрел на генерала.

– Я настоял, чтобы твой номер подключили к контролю без санкции, – объяснил Апраксин.

Полковник снял трубку.

– Владимир Алексеевич, это Вельчанинов.

– Да-да, Василий Юрьевич. Что сообщишь?

– Всё в порядке. «Симку» принесли. Пришлось посылать в город солдата на машине. Я сейчас стоял рядом с капитаном, когда ты звонил. Этот номер у тебя, как я понимаю, «чистый»...

– Виктор Евгеньевич рядом сидит, разговор наш слушает; говорит, что «чистый». Номер на контроле, можешь говорить.

– Здравия желаю, товарищ генерал, – сказал Вельчанинов. – Разрешите продолжить разговор с полковником Кирпичниковым.

– Продолжай, Василий Юрьевич, продолжай...

Вельчанинов некоторое время молчал, потом заговорил снова:

– Так вот, я рядом стоял, когда ты звонил. Я так понял, что вы этого парня подставляете? Или это произошло нечаянно?

– Он нам не нужен. А себя обезопасить хочется, – объяснил Кирпичников. – Он только исполнитель, который знает слишком мало для того, чтобы быть откровенным.

– Нормальный ход. Одобряю. Короче говоря, Геннадий сейчас вставит «симку» в свободную трубку. У него есть свободная – кажется, трофейная. Запоминай номер, и можешь звонить.

– Говори...

Вельчанинов продиктовал номер дважды, Кирпичников дважды повторил.

– Спасибо, Василий Юрьевич.

⁹ «Развязыватели языка» – психотропные препараты для проведения допросов.

- Не за что. Я не на свои деньги «симку» покупал. У меня всё.
- До связи. Или до встречи. Возможно, скоро увидимся.
- Буду рад.

Владимир Алексеевич положил трубку, а генерал встал.

– Я тебе новую sim-карту привез. Спутниковую. Она чуть другая, чем сотовая. Заменить друг друга могут, но сотовая на спутниковой трубке будет работать только через сотовую связь. Поэтому лучше поставить «родную».

Генерал двинулся в прихожую, где пристроил на вешалке свою куртку. И в это время раздался звонок в дверь. Владимир Алексеевич пошел следом за генералом, чтобы открыть, и еще из комнаты, даже не выйдя в прихожую, услышал, как щелкает замок. Дверь квартиры открывал генерал Апраксин. Если сам Кирпичников обычно интересовался, кто пришел, генерал сразу распахнул ее, и тут же раздался негромкий звук, который полковник знал хорошо. Стреляли из пистолета с глушителем.

Выстрел сразу отбросил Апраксина к стене. Второй выстрел согнул его пополам и сбил с ног. Через порог шагнул высокий, слегка рыжеватый человек без головного убора. Он уже поднял пистолет, чтобы произвести контрольный выстрел в голову, но тут вперед шагнул Владимир Алексеевич, еще не успевший снять нанокостюм, и потому смело идущий навстречу пистолету. Незванный гость молча поднял ствол на уровень головы полковника, но Кирпичников, не думая о том, что делает, автоматически качнул корпус в сторону, убирая голову от ствола. Если бы Владимир Алексеевич начал движение корпусом в другую сторону, пуля нашла бы его. По теории «качания маятника» следовало начинать обратное движение только после того, как начнет двигаться ствол. И ствол сдвинулся. И тогда навстречу ему пошло движение корпуса в обратную сторону с одновременным шагом вперед. Все это происходило достаточно быстро, гораздо быстрее, чем можно описать словами. Это со стороны кажется, что совершить выстрел с близкой дистанции проще простого. Даже в корпус при «качании маятника» не все могут попасть точно, не то что в голову. Кирпичников ждал, что киллер вот-вот опустит ствол на уровень груди, не желая промахиваться. Однако тот все же выстрелил в голову, надеясь на свое мастерство стрелка, – и промахнулся.

Зазвенела посуда в серванте, куда угодила пуля. Ствол тут же сдвинулся в сторону груди полковника, однако было уже поздно. Кирпичников начал движение, а у пистолета останавливающая сила не настолько велика, чтобы остановить поступательное движение восьмидесяти с лишним килограммов. Выстрел прозвучал почти неслышно. Наверное, боль в ребрах помешала услышать сам выстрел, но одновременно с ним Кирпичников нанес удар костяшками пальцев сбоку в нос. Этот удар никогда не отключит противника, но вызовет сильнейший болевой шок, потому что легко ломаются носовые хрящи. Противник отпрянул, споткнулся и начал падать, а сам полковник прыгнул вперед, нанося удар коленом в голову еще до того, как убийца упал. Пистолет ударился о неприкрытую плотно дверь и вывалился из руки. Приземляясь после прыжка, Владимир Алексеевич нечаянно наступил на руку генерала, но даже ногой почувствовал, как рука вырвалась из-под его ступни. Значит, генерал жив...

Однако прежде, чем склониться над генералом, Кирпичников благоразумно поднял пистолет убийцы. Это был «вальтер» калибра 7,65¹⁰. Оружие хорошее, точное, но из-за короткой гильзы имеющее недостаточную останавливающую силу. Это и спасло Кирпичникова. Выстрел из любимой киллерами «беретты» просто отбросил бы его на спину. Но «беретта» не имеет конструкционного глушителя, а отдельные устройства, сделанные доморощенными умельцами, что встречались полковнику, ни на что не годились и звук глушили слабо, поэтому киллер предпочел воспользоваться оружием с наименьшим звуком.

¹⁰ «Вальтер» калибра 7,65 – по сути дела, тот же самый распространенный в мире калибр 7,62 мм, но у «вальтера» применяется другая система отсчета (и измеряется диаметр не пули, а патрона); отсюда и разница в названиях одного калибра.

Генерал сел сам, рывком распахнул на себе пиджак, с корнем вырывая пуговицы из сорочки. Под ней у него был бронежилет, который и принял на себя пули.

– Как вы, товарищ генерал?

– Вторая пуля в солнечное сплетение попала. Отключился, понимаешь... Первой он мне ребро в области сердца сломал.

Приходящий в себя киллер медленно перевалился со спины на грудь и уперся руками в пол, намереваясь встать. Он, кажется, еще не осознал, что произошло, иначе оставался бы в лежачем положении. Это безопаснее, поскольку сильные люди обычно не бьют лежачих. Но Кирпичников посчитал, что стоящий на коленях – это уже не лежачий, и как только убийца медленно встал на колени, все так же опираясь руками в пол, тут же последовал короткий и резкий пинок в печень, снова уронивший бандита.

Только после этого, закрыв дверь и не выпуская из руки пистолет, полковник перевернул убийцу лицом кверху и проверил его карманы. Вытащил оттуда запасную обойму, с пояса снял ножны с узким и острым ножом, которым можно было бриться. Ножны оказались профессиональные, какие носят бойцы американского спецназа, и крепились они не ремнем, входящим в петли ножен, а пружиной, которая нахлестывается на ремень. Точно такой же пружиной крепилась кобура второго пистолета, спрятанного за спину. Это был еще один «вальтер», только без глушителя. Обе кобуры и ножны не имели обычных клапанов, которые требуется отстегивать; оружие высвобождалось от нажатия вниз. Обезоружив противника, Кирпичников вытащил из карманов все, что там лежало. Документы передал Апраксину. Среди них были два российских паспорта и один американский, в который генерал сразу и заглянул, а потом убрал его к себе во внутренний карман пиджака.

– Он и есть. Господин Джозеф Умански, – сказал Виктор Евгеньевич полковнику, подтверждая прежний разговор.

Затем он вытащил из кармана свою трубку, по памяти набрал номер, одновременно вставая на ноги и морщась от боли в сломанном ребре. Легкий кевларовый бронежилет № 1, что носится под рубашкой, пулю не пропустит, но переломы ребер гарантирует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.